

Древности Кубани

Древности Кубани

(вып. 6)

**Краснодар
1998**

ББК 63.4 (2 РОСЗ7)

Д-74

Составители:

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

Печатается по решению Ученого Совета Краснодарского государственного историко — археологического музея — заповедника.

Компьютерная верстка: Винидиктова А.П.

© Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

КЕРАМИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ С ПОЗОЛОТОЙ С СЕВЕРНОГО БЕРЕГА КРАСНОДАРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Цель работы: публикация небольшой коллекции керамических украшений с позолотой, собранной в 1980 — 1982 гг. археологическим кружком Краснодарского краевого Дворца пионеров на различных меотских памятниках северного берега Краснодарского водохранилища*, а также, поделиться наблюдениями над некоторыми технологическими особенностями этой категории украшений.

В настоящее время коллекция хранится в Краснодарском музее — заповеднике. Ниже приводится краткое описание всех 15 керамических украшений.

I. Горгонейоны.

1. Круглый плоский медальон из тонкоотмученной светло — коричневой глины. Окружность не совсем правильная из — за деформации возникшей до обжига. На лицевой стороне рельефное изображение головы Медузы Горгоны в фас. Лицо округлое, широкое. Проработаны брови, нос, веки, зрачки, губы, округлый подбородок. Рот приоткрыт. Волосы — змеи переданы изогнутыми валиками. Голову обрамляют три concentric окружности. Внутренняя окружность — рельефный сплошной валик. Две другие состоят из рельефных "жемчужин". На лицевой стороне заметны следы белой грунтовки. Обратная сторона слегка выпуклая. На ее поверхности просматриваются отпечатки папиллярных узоров. В центре кружка два углубления (следы от уколов тонкого и острого предмета круглого сечения). Инвентарный номер: КМ 7625/64. Диаметр медальона 1,7 x 1,4 см, толщина 0,25 см. Найден в окрестностях х. Ленина в 1982 г. .

2. Медальон аналог вышеописанному. Не имеет повреждений. Размеры: диаметр 2,2 см, толщина 0,3 см. Инвентарный номер: КМ 7625/74 (рис. I, 13). Найден в могильнике городища N 2 у х. Ленина в 1982 г. .

3. Медальон несколько отличающийся от вышеописанных. Он больше размерами. Нос Медузы Горгоны передан более мясистым, рот более широким. Изображения обрамляют две concentric окружности из рельефных "жемчужных". Сам керамический кружок деформирован — был поврежден до обжига. Размеры: диаметр 2,6 см, толщина 0,25 см.

* Эта публикация основана на докладе, прочитанном на семинаре в Краснодарском музее - заповеднике в 1986 г. (18. с. 19 - 21).

Инвентарный номер: КМ 7625/90 (рис. I, 12). Найден в 1982 г. на могильнике городища N 3 у х. Ленина.

Все три горгонеиона имеют по два накола на обороте и следы белой грунтовки на лицевой стороне. Позолота не сохранилась ни на одном экземпляре. Формы, в которых оттискивались горгонеионы, видимо, были изношены, поскольку высунутый изо рта язык практически не различим.

II. Детали ожерелья.

4. Пронизь вытянутая подпрямоугольная с закругленными углами из тонкоотмученной светло — коричневой глины. На лицевой стороне рельефное изображение 16 — ти лепестковой пальметки с 7 — ми лепестковой розеткой в центре. Лицевая сторона слегка вогнута. Обратная сторона имеет заметную выпуклость, на которой сохранились следы папилярных узоров. С боковых торцов имеются отверстия двух параллельных каналов, расположенных поперек пронизей. Каналы служат для продевания нитей. В одном из торцов находится углубление — след от укола шиловидного острого предмета, направленный к центру пронизи. На лицевой стороне сохранились следы желтой грунтовки. Размеры: длина 1,55 см, ширина 1 см, толщина 0,4 см. Инвентарный номер: КМ 7625/65 (рис. I, 1). Обнаружена в 1980 г. в окрестностях х. Ленина.

5. Такая же пронизь только более потертая и имеющая 2 следа от уколов шиловидного предмета, по одному с каждого торца. Следы желтой грунтовки. Размеры: длина 1,5 см, ширина 0,9 см, толщина 0,4 см. Инвентарный номер: КМ 7625/72 (рис. I, 2). Обнаружена в 1981 г. на могильнике городища N 2 у х. Ленина, вместе с N 12.

6 — 11. Пронизи сохранившиеся хуже, но аналогичные вышеописанным. У большинства обломилась края или утрачены значительные фрагменты. Четыре пронизей имеют по два, и одна пронизь — только один след от уколов шиловидного предмета. Следы желтой мастики, следы папилярных узоров — на всех пронизях. Размеры: длина — от 1,55 см до 1,45 см; ширина — от 1 см до 0,9 см; толщина — 0,4 см. Инвентарный номер: КМ 7625/80 — 85 (Рис. I, 3 — 7). Обнаружены в одном куске земли в 1980 г. на могильнике городища N 3 у х. Ленина.

Следы позолоты сохранились лишь у N 5. Все пронизи относятся к одному типу. У многих пронизей сильно стерты центральные розетки.

12. Сосульковидная подвеска из тонкоотмученной светло — коричневой глины. Нижняя остrokонечная часть обломлена. Верхняя часть имеет удлиненный выступ для поперечных сквозных отверстий, необходимых для продевания нитей. Верхний выступ сломен на уровне нижнего отверстия. На лицевой стороне под выступом имеется рельефный поперечный поясок. Лицевая сторона подвески гладкая. Ее тулово линзовидное в сечении. Имеются следы желтой грунтовки. На обратной стороне, ближе к правому краю, в самой широкой части тулова подвески имеется

след от глубокого укола, нанесенный снизу вверх (слегка отклоняясь к центру). Размеры: длина 2,5 см; ширина 0,7 см; толщина 0,4 см. Инвентарный номер: КМ 7625/73 (Рис. 1,11). Подвеска найдена в 1981 г. на могильнике городища N 2 у х. Ленина, рядом с пронизью N 5.

13. Фрагмент сосульковидной подвески аналогичной вышеописанной. Верхняя и нижняя части утрачены. Отличается наличием пяти поперечных рельефных поясков из небольших "жемчужин". Пояски расположены в верхней части тулова. На оборотной стороне заметны следы папилярных узоров. Следов от уколов шиловидного предмета нет. Размеры: длина 1,9 см, ширина 0,7 см, толщина 0,36 см. Инвентарный номер: КМ 7625/91. Найдена в 1981 г. на могильнике городища N 3 у х. Ленина вместе с NN 14 и 15.

14. Керамическая сосульковидная подвеска аналог N13. Утрачен нижний кончик. Следов от уколов шиловидного предмета нет. Размеры: длина 3,3 см, ширина 0,7 см, толщина 0,35 см. Инвентарный номер: КМ 7625/92 (рис. 1, 9). Найдена в 1981 г. на могильнике городища N 3 у х. Ленина вместе с NN 13 и 15.

На трех сосульковидных подвесках сохранились следы желтой грунтовки, но не сохранилась позолота. По орнаментации лицевой стороны, подвески делятся на два варианта. К первому варианту относится N 12, а ко второму — NN 13 и 14.

15. Подвеска в виде головы молодой женщины из тонкоотмученной глины светло-коричневого цвета. У обреза длинной шеи, имеется поперечный валик. Лицо и шея выполнены рельефно. Тыльная сторона уплощена так, что поперечное сечение подвески близко к полукругу. Лицо женщины удлинненное. Хорошо проработаны глаза, веки, брови, прямой нос и слегка сглаженный подбородок. Заметно правое ухо, но оно передано менее отчетливо. Лоб высокий. Волосы зачесаны назад с прямым пробором по середине. Они переданы отдельными прядями, и как бы валиком обрамляют лицо. Полностью судить о прическе невозможно, поскольку подвеска изготовлена в односторонней форме. Над головой возвышается плоский листовидный венец, стрелчатой частью обращенный вверх. По краю, венец имеет невысокий рельефный бортик, который внизу разомкнут. Оба конца валика образуют валуны. Часть правой половины венца утрачена. В центре венца, ближе к нижнему краю, просматривается затертое рельефное изображение розетки. В боковых торцах венца имеются два параллельных друг другу сквозных отверстия. Отверстия служили для продевания нитей.

Лицевая сторона подвески заметно потерта. Здесь же имеются следы желтой грунтовки. Позолота не сохранилась. На тыльной стороне видны отпечатки папилярных узоров. В нижнем торце подвески имеется одно углубление оставленное шиловидным предметом. Укол наносился по сырой глине перпендикулярно поверхности на глубину до 1 см. Размеры: высота 3,6 см, ширина 1,3 см, толщина до 0,7 см. Инвентарный номер:

КМ 7625/93 (рис. I, 8). Подвеска найдена на могильнике городища N 3 у х. Ленина вместе с NN 13, 14 и 15.

Керамические горгонейоны известны давно. Первые находки на Кубани были сделаны еще в конце прошлого века Н.Н. Веселовским и В.М. Сизовым (14, с. 29; 15, с. 151, рис. 504). Известны они и на Верхней Кубани (1, рис. 16 Б, 15) и на Центральном Кавказе (1, таб. XXVI, 109). В Прикубанье это весьма распространенные находки в погребениях меотских племен. Значительно реже горгонейоны встречаются в некрополях боспорских городов.

Информацию о горгонейонах можно найти в работах Н.В. Анфимова и Л.К. Галаниной (2, с. 189; 5, с. 88). Последняя работа о горгонейонах Прикубанья опубликована А.А. Малышевым (12, с. 49 — 54). Ее положения прозвучали и в докладе прочитанном на XVI Крупновских чтениях (11, с. 62 — 64).

Многие находки еще не опубликованы. Целая коллекция горгонейонов была получена Н.В. Анфимовым в результате исследования могильников меотских городищ на Нижней Кубани. Большая серия горгонейонов обнаружена О.П. Куликовой при раскопках могильника городища N 2 у х. Ленина* и экспедицией Музея Востока в могильниках Уляпском и Серегинском (23, кат. N 139, рис. 55). В 1989 — 1990 гг. при раскопках могильников 2 Старокорсунского городища найдены керамические украшения с позолотой, подробно не изданные (9, с. 50). Составление полной сводки керамических горгонейонов дело будущего. Время их бытования еще окончательно не установлено. Н.В. Анфимов отнес погребения с горгонейонами из могильника городища N 2 у ст. Усть — Лабинской к III — II вв. до н. э. (2, с. 187, 189). Керченская гробница N 28, исследованная В.В. Шкорпилом в 1902 г. где также были найдены горгонейоны, датирована IV в. до н. э. (24, с. 79). А.А. Малышев существенно уточняет датировку. На основании находок керамических горгонейонов в погребениях Западного Причерноморья и материковой Греции, он отнес их бытование к IV — началу III вв. до н. э. (11, с. 63).

Значительно реже встречаются детали керамического ожерелья. Сосульковидные подвески и пронизи из Чегемского могильника были опубликованы В.Ф. Миллером (13, с. 97, таб. XXVI, 94, 97, 100). Обнаружены подобные украшения и в Курджипском кургане (15, с. 154, рис. 512, 513; 5, с. 88). Найдены детали керамического ожерелья в погребениях, уже упоминавшегося, могильника городища N 2 у х. Ленина.

За пределами Северного Кавказа детали керамического ожерелья известны в Восточном Крыму. Например, в Акташском могильнике были найдены сосульковидные подвески (3, рис. 18, 7, 8).

* Эти и последующие сведения о неопубликованных материалах могильника городища N 2 у х. Ленина любезно сообщены О.П. Куликовой за что приношу свою благодарность.

В Британском музее хранится керамическое ожерелье, состоящее из деталей, не имеющих полной аналогии с описываемыми здесь (26, PL, XLII, NN 2190, 2191). Его отличает разнообразие деталей и наличие трех ярусов.

Л.К. Галанина датировала детали курджипского ожерелья IV в. до н. э. на основании близости стили этих украшений с стилем античных золотых украшений IV в. н. э. из Северного Причерноморья (5, с. 88). Этим же веком датировано погребение с позолоченными керамическими подвесками из Акташского могильника (3, с. 69).

Редкой является и подвеска в виде головы молодой женщины. Кроме публикуемой находки, известны еще три аналогичные подвески. Первая происходит из Чегемского могильника (13, таб. XXVI, 99). Вторая найдена в погребении могильника у Камунты (22, с. 317, рис. 250). Третья подвеска находилась среди инвентаря погребений могильника городища N 2 у х. Ленина. Все три женские головки полные аналогии нашей. Но сохранность их различна. Так у камунтской подвески утрачен стрельчатый венец. Подвеска из раскопок О.П.Куликовой очень сильно потерта. Лишь, чегемская находка имеет хорошую сохранность и позволяет понять, что изображено на венце нашей подвески. Внутри ее стрельчатого венца сохранилась рельефная пальметка. Розетка только угадывается. Нет сомнений, что и наша подвеска была украшена аналогичным образом, как и другие северо-кавказские керамические подвески в виде головы молодой женщины. Следует заметить, что детали ожерелья и подвеска украшены в одном стиле.

Еще одна керамическая подвеска — головка была найдена при раскопках могильника Старокорсунского городища N 2 в погребении IV в. до н.э. (9, с. 50, таб. I, 8). Судя по рисунку, старокорсунская головка иных пропорций, чем остальные кавказские. У нее утрачена большая часть венца и сама подвеска сильно потерта.

В Британском музее хранятся три керамические подвески в виде головы молодой женщины. Следы позолоты на них не сохранились. Одна подвеска, происходящая из Кастеллани Колл, близка по размерам и идентична во многих деталях публикуемому здесь украшению (26, PL, XLII, N 2169). Но имеются и некоторые отличия: женская головка украшена дисковидными серьгами и ожерельем. Стрельчатый венец также заключается внутри пальметки. Две другие подвески (одна из них происходит из Киренаики) на половину меньше по размерам (26, PL, XLII, NN 2170, 2171) и представляют собой отдаленные аналогии северокавказским.

Многое свидетельствует о том, что керамическая женская головка являлась частью керамического ожерелья. Например, расстояние между двумя сквозными отверстиями, через которые продевались нити, у подвески — головки такое же, как и у сосульковидных подвесок, т.е. значительно меньше, чем у пронизей. Это обстоятельство допускает чередование деталей ожерелья на двух параллельных нитях: пронизь — подвеска — пронизь.

Их чередование образует жесткую конструкцию, позволяющую держать ожерелью упорядоченную форму и препятствующую его деталям соприкасаться друг с другом. В противном случае, возрастает вероятность механических повреждений керамических деталей и нарушается гармоничный ряд ожерелья. Это проверено экспериментально. Учитывая, что подвеска в виде головы богини имеет вытянутую форму и такое же расстояние между каналами отвестий, как и у сосульковидных подвесок, то, можно предположить, что наша подвеска была частью такого ожерелья и являлась его центральным украшением, заменяя одну сосульковидную подвеску. Этому не противоречит и единый стиль орнаментации пронизей и стрелчатого венца подвески.

Среди деталей ожерелий характерных для греческих ювелирных украшений IV века до н. э. известны и женские головки — подвески. Например, в Британском музее хранится золотое ожерелье из Тарента, в которое входят семь таких головок (21, с. 134, рис. на с. 127). Золотые ожерелья, несомненно, послужили прототипами керамическим ожерельям.

На рисунке I, 14 приведен пример одноярусного набора деталей ожерелья. Возможен и более сложный набор. В этом нас убеждает керамическое ожерелье из Британского музея, набранное в три яруса.

Справедливости ради, заметим, что известны золотые ожерелья состоящие из розеток и подвесок, где не использовались подвески в виде женских головок (7, таб. VI, 9; 21, ил. N 165).

Подвеска в виде головы молодой женщины может датироваться временем бытования керамических ожерелий, описанных типов, то есть IV веком до н.э..

А.А.Малышев согласен с утвердившимся мнением, что керамические украшения с позолотой изготавливались специально для погребальных церемоний (12, с. 50). Местное население Северного Кавказа могло видеть в горгонейонах магическую (защищающую и очищающую) силу (12, с. 54), и следовательно, имели более разнообразные функции, чем у греков.

Как использовались в варварской среде керамические ожерелья пока не ясно. Отметим, что керамические пронизи, сосульковидные подвески и женские головки редко попадают в варварских погребениях в количестве достаточном для ожерелья, и очень часто имеют следы значительной потертости. Последнее свидетельствует о длительном использовании этих предметов.

Уже высказывалось мнение об аттическом производстве горгонейонов (17, с. 115, 116). Возможно, там производились и керамические ожерелья. Овальные пронизи могут дать дополнительный аргумент в пользу Аттики, как места производства керамических украшений с позолотой. На аттических чернофигурных вазах конца VI века до н. э. одним из самых популярных орнаментальных мотивов был ряд овальных пальметок близких декору керамических пронизей (6, NN 40, 42, 44, 45, 48, 49 и др.). Традиционные элементы декора, как правило, живут долго.

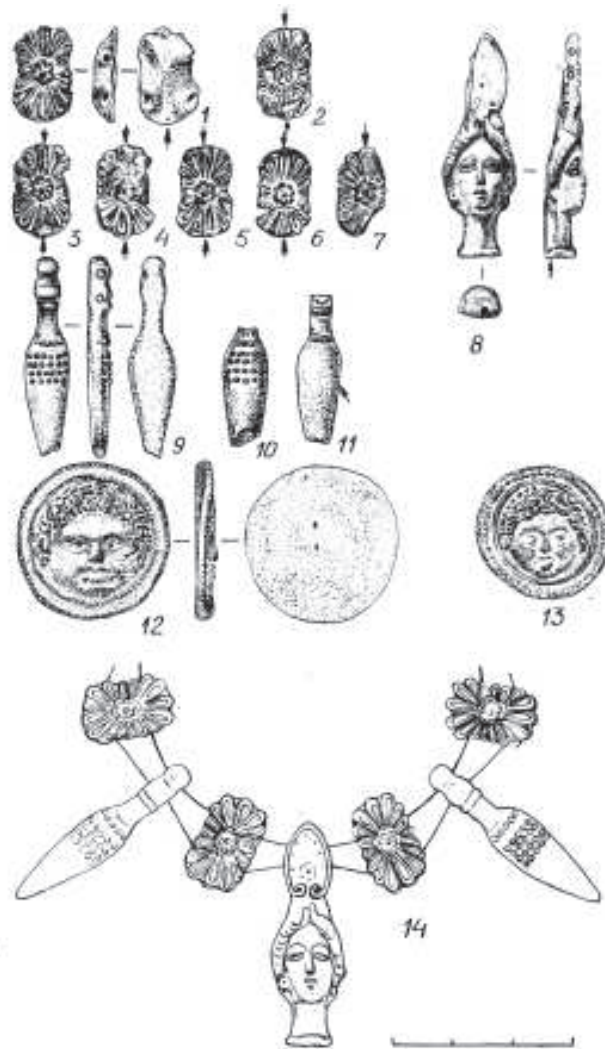

Рис. к статье Пьянков А.В. Керамические украшения с позолотой с северного берега Краснодарского водохранилища
Керамические украшения: 1- 7 - пронизи в виде пальметок с розеткой в центре; 8 - подвеска в виде головы молодой женщины (богини); 9- 11 - сосульковидные подвески; 12- 13 - горгонейоны; 14 - реконструкция ожерелья. Стрелочками показаны места уколов шиловидным предметом и их направление.

Ранее, автором была высказана мысль, что керамическая головка богини — изображение Изи́ды или синкретического божества Деметры — Изи́ды (18, с. 20). Суждение основывалось на трактовке венца, как изображения рогов и диска египетской богини. Культ Изи́ды распространяется в Греции с конца V века до н.э. (10, с. 96), а в Северном Причерноморье в III — II вв. до н.э. (8, с. 58, 59; 25, с. 208, 209; 20, с. 210), что не противоречило бы такому предположению. Сохранность нашей подвески допускала различные толкования изображения на стрельчатом венце. Однако, чегемская подвеска заставляет отказаться от такой атрибуции.

Золотые подвески — головки богинь известны в памятниках Северного Причерноморья. Например, золотая подвеска в виде головы Деметры найдена в кургане Большая Белозерка, раскопанном в 1972 году Запорожской экспедицией (4, с. 261).

Если, предположение о том, что керамические украшения с позолотой изготавливались специально для погребальных церемоний верно, то подвески могут изображать богиню связанную с культом мертвых. Например, Деметру или Кору — Персефону. Отметим один факт. В Ольвии была найдена терракота атрибутированная как изображение Кору — Персефоны и датированная эллинистическим временем (19, с. 57, рис. 23). У ольвийской богини в ушах дисковидные серьги, как и у одной из британских подвесок.

Пока же, вопрос атрибуции подвесок с женской головкой из керамики с позолотой остается открытым.

Некоторые керамические горгонейоны имеют следы бронзового окисла в углублениях, оставленных шиловидным предметом на оборотной стороне. Считается, что это остатки проволоочной петли, которая служила для крепления горгонейона к чему — либо. Такие петли могли делать хозяева украшений, а не изготовители, поскольку углубления наносились до обжига по сырой глине. Проволочную петлю нельзя было прочно закрепить в сыром глиняном кружке. Проволока бы потеряла прочность при обжиге. К тому же, многие горгонейоны не имеют остатков бронзовых окислов в углублениях. Более того, когда возникала необходимость подвесить горгонейон на нить ожерелья или надежно прикрепить к какой — либо основе, приходилось сверлить сквозные отверстия (16, рис. 123).

Вероятно, что следы от уколов шиловидного предмета на горгонейонах технологического происхождения. Подобные углубления имеются и на других керамических украшениях, публикуемых здесь: на сосульковидной подвеске, на всех пронизях и на подвеске в виде головы богини.

Керамические украшения с позолотой изготавливались следующим образом: брался кусочек готовой глины и вдавливался в открытую форму пальцами. Папилярные узоры заметны на обороте многих украшений. Форма, скорее всего, была керамической, так, как быстро стиралась. После формовки было необходимо осторожно извлечь оттиск из формы не деформировав его. Последняя операция вполне могла производиться с

помощью одного или двух шиловидных предметов. Далее следовали сушка, обжиг, нанесение грунтовки и золочение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево - Черкессии. М., 1971.
2. Анфимов Н.В. Меото - сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. N 23. М., 1951.
3. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.
4. Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Отрощенко В.В., Яковенко Э.В. Работы Запорожской экспедиции // АО - 1972 г., М., Наука. 1973.
5. Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980.
6. Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1983.
7. ИАК. Вып. 63, Петроград, 1917.
8. Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889 - 1891 годах // МАР, N 9. СПб., 1892.
9. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Исследование меото - сарматских могильников Старокорсунского городища N 2 // Археологические раскопки на Кубани в 1989 - 1990 годах. Ейск, 1992.
10. Лурье С.Я. К вопросу о происхождении культа христианских целителей // ВДИ, 1960, N 2.
11. Малышев А.А. К вопросу о терракотовых горгонейонах в Прикубанье // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М., 1990.
12. Малышев А.А. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989 - 1990 гг.. М., 1992.
13. Миллер В. Терская область. Археологические экскурсии // МАК. Т. I. М., 1888.
14. ОАК за 1895 г., СПб., 1897.
15. ОАК за 1896 г., СПб., 1898.
16. ОАК за 1903 г., СПб., 1906.
17. Пасхина Е.П. Керамический кружок с изображением Горгоны из Никония / Исследования по античной археологии Юго- Запада Украинской ССР. Киев., 1980.
18. Пьянков А.В. Новое керамическое украшение с позолотой из Краснодарского края // Древности Кубани (Материалы к семинару). Тез. докл. Краснодар., 1986.
19. Русяева А.С. Антисные терракоты Северо- Западного Причерноморья (VI-I вв. до н. э.). Киев., 1983.
20. Рыжов С.Г. Бронзовая статуэтка Исиды из Херсонеса // РА, 1992, N 3.
21. Сокровища Британского музея. М., 1984.
22. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Т. VIII. М., 1900.
23. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987.

24. Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году // ИАК. Вып. 9, СПб., 1904.
25. Шургая И.Г. О греко - египетском культе в Северо - Западном Причерноморье // История и культура античного мира. М. 1977.
26. Marshall F.H. Catalogue of the Jewellery in the British Museum. London, 1911.

Хачатурова Е.А.

БОСПОРСКИЕ РИТУАЛЬНЫЕ СТАТУЭТКИ С ПОДВЕСНЫМИ НОГАМИ В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ

Среди античных терракот Краснодарского музея выделяется довольно многочисленная, по сравнению с другими типами, группа терракотовых статуэток, которая вместе с фрагментами насчитывает 28 единиц. Их называют еще гротески, они отличаются своеобразием формы и исполнением. Статуэтки имеют полый корпус с тремя отверстиями — два снизу, по бокам корпуса и одно в темени. Два нижних боковых отверстия служили для крепления подвесных ног и, фалла в верхней части которых также имелись отверстия для продевания нити, шнура или стержня. Руки и голова статуэток неподвижно прикреплены к полному корпусу, который заканчивается колоколообразно расширяющейся книзу рубашкой, шнурок с поясом на талии. Верхнее отверстие в голове, судя по сохранившимся отпечаткам служило для укрепления бронзовой петли для подвешивания.

Среди статуэток Краснодарского музея — 8 с большей или меньшей степенью сохранности — КМ 6348/47, 6348/48, 6348/49, 6348/50, 6348/51, 6348/52, 6348/53, КМ 2619, от четырех сохранились лишь головки — КМ 3614/418, 3614/498, 3750/29, 3614/515, статуэтки всадников (также фрагментированные) — КМ 3614/160, 3614/326, 3614/621, среди других фрагментов подвесные части — ноги и фаллы — КМ 3614/513, КМ 6348/59 — 70.

Все статуэтки коллекции — беспаспортные, лишь о двух из них известны места находки — это головка мима КМ 3750/29 найдена на Семи —

братнем городище в 1950г. Н.В.Анфимовым и ритуальная статуэтка КМ 2419 предположительно найдена на Таманском п — ве. Остальные статуэтки поступили в музей в предреволюционные и первые послереволюционные годы. Места их находок неизвестны. Предположительно мы можем связать их происхождение с территорией Тамани.

Техника изготовления статуэток с подвесными ногами обычна: в двух формах отжимались передняя и задняя половинка, затем их соединяли, заглаживали швы, поправляли (часто этого не делали) руки вылепленные вручную обычно из глины прикреплялись. Статуэтки иногда покрывали ангобом или белой краской, по которой наносили роспись. По остаткам ее, сохранившимся на некоторых фигурках, можно судить, что лица расписывались, черной краской рисовали глаза, розовая и голубая краски наносились на одежду, на пояс.

Большая часть известных статуэток была найдена в городах европейского Боспора — Пантикапее, Тиритаке, Мирмекии, Нимфее и Илурате. Как считают исследователи (1), в городах азиатского Боспора они встречаются в меньшем количестве: в Фанагории, Кепах, Горгипии, Гермонассе.

Боспорских ритуальных терракот, как определяет их И.Д.Марченко, в большей или меньшей степени касались различные исследователи: Л.Сте — фани (2), Н.П.Кондаков (3), С.А.Усов (4), Д.Н.Анучин (5), В.В.Стасов (6), А.П.Подшивалов (7), В.В.Шкорпил (8), М.Н.Ростовцев (9), затем, в советской историографии В.Ф.Гайдукевич (10), А.П.Иванова (11), И.Т.Кругликова (12), И.Д.Марченко (13), А.Д.Сазанов (14). Все исследователи отмечали примитивный, варварский характер статуэток, относили их к негреческим культам Боспора римского времени. Многие пытались выделить среди них отдельные типы. И.Д.Марченко в 1948г. была защищена диссертация "Боспорская ритуальная терракота в связи с религией Боспора в I — IVвв. н.э." где ею рассматривались около 150 терракот. Терракоты Краснодарского музея ей не были известны. И.Д.Марченко выделила несколько типов, среди которых наиболее ранним она считает тип марионеток (15), передающих персонажи народных представлений позднеэллинистической поры — мима, танцора, жонглера или участника театрализованных действий. Здесь к ней присоединяется с детальной конкретизацией происхождения боспорских ритуальных терракот А.В.Сазонов (18), который выводит их из Южной Италии, где в позднем эллинизме существовали статуэтки с подвесными ногами и фаллом, руки и голова которых неподвижны. Они, по его мнению, также изображают мимов. В Iв.до н.э. — Iв. н.э. статуэтки с подвесными ногами появляются в городах Малой Азии, Афинах, Селевкии на Тигре, в Северном Причерноморье. Ко второй половине II в.н.э. боспорская марионетка превращается в ритуальную терракоту, тесно связанную с культом верховного женского божества. И, как подчеркивает исследователь, боспорские ритуальные терракоты не являются чуждыми античной коропластике. Истоки их

лежат не в варварском, а в античном мире.

К типу марионеток в нашей коллекции можно отнести головку из комплекса Семибратнего городища из раскопок 1950г. Н.В.Анфимова. Головка изображает пожилого мужчину с несколько удивленным и испуганным выражением лица, сдвинутыми бровями, коротким и широким носом, большим, полураскрытым ртом, массивными щеками и подбородком. На лбу широкая горизонтальная морщина, очень крупные, далеко посаженные уши, длинные глубокие морщины расходятся веером от уголков глаз к вискам. Неровный шишковатый лоб, высокие надбровные дуги, волосы можно предположить лишь на темени. Головка изнутри полая, без выступа шеи, на затылочной части — два небольших отверстия для продевания нити или тонкого шнура. Изображает, вероятно, варвара, возможно раба, образ которого хорошо известен по комедиям Лукиана. Н.В.Анфимов датирует ее по слою, в котором она найдена — III — II вв. до н.э. (16). Эту группу М.М.Кобылина и И.Д.Марченко относят ко II — I вв. до н.э. Находка головки более раннего времени, возможно, может несколько удревить бытование этого типа марионеток.

Образ, лежащий в основе марионетки эллинистического мима, позже в I — II вв. получил переосмысление в виде боспорской ритуальной статуэтки, имеющей иной смысл, иное значение и новые стилистические черты. Их считают ритуальными (И.Д.Марченко, М.М.Кобылина, В.Ф.Блаватский, В.Д.Гайдукевич и т.д.).

На протяжении I — IV вв. они были связаны с обрядовой стороной религиозной жизни обитателей Боспора. Среди разнообразия типов И.Д.Марченко выделяет семь:

1) — юноши — танцора — II в. н.э.; 2) фигурки с козлиными рогами, у некоторых в руках сиринги и флейты — I в. до н.э. — I в. н.э. и небольшая часть II — III вв. н.э. 3) безрогие, но с музыкальными инструментами I — II вв. н.э. 4) воины со щитами I — IV вв. н.э. 5) "жертвователи" с большими ушами, безрогие, в руках самые разнообразные предметы: птицы, животные, яблоко, лепешка, амфора, сосуд и т.д. в эту же группу И.Д.Марченко включает и однорогие фигурки с большими ушами, с яблоком, мечом, ножом, лепешкой и т.д. I — IV вв. н.э. 6) "жрецы" — в головном уборе в виде трех плоских и округленных на концах выступов, которые вместе с плоскими большими полукруглыми ушами образуют как бы пять широких лучей, окаймляющих лицо, с разнообразными предметами в руках: аулос (муз. инструмент), птица, колос, и т.д. На некоторых имеется изображение великой богини, сидящей на троне на передней стороне статуэтки "жреца", иногда — изображение мужской фигуры (Танаис), предположительно, мужского коррелята богини II — IV вв. н.э. 7) статуэтки с чертами двуполости — при женском строении корпуса им придан фалл. В правой руке — яблоко, левая лежит на обнаженном животе, головной убор разнообразен: шапочка в виде башлыка, большие уши и т.д.

Терракотовые статуэтки всех групп помимо сходства в устройстве,

имеют общие черты в виде признаков культового маскарада. Каждая группа отличается каким — либо головным убором, в одних случаях — венок, в других рога, в третьих — большие полукруглые оттопыренные уши, вероятно, привязанные, у воинов — шлем, у жрецов — еще — трехвыступный головной убор одинаковой является одежда — колоколовидные рубахи — у более поздних терракот (как у всех статуэток Краснодарского музея). Все эти черты, по мнению И.Д.Марченко, дают возможность предположить — что статуэтки являются изображениями участников культа великой богини в разных стадиях посвящения.

В коллекции Краснодарского музея с большей или меньшей степенью вероятности можно выделить следующие типы (по И.Д.Марченко):

2 тип: с крупными рогами и музыкальными инструментами в руках и у губ. К нему мы относим фрагментированную статуэтку КМ 6348/47. По датировке И.Д.Марченко I в. до н.э. — IV н.э. Аналогии ей имеются среди статуэток Пантикапея (САИ Г — II, т.54/2).

5 тип — "жертвователи": КМ 6348/48, КМ 6348/49, 51, 52. Датируются I — III вв. н.э. Точных аналогий нет.

7 тип — с чертами двуполости КМ 6348/50, и в малой степени КМ 2619. Датируются I — III вв. н.э.

В отдельный тип гротескных статуэток мы бы выделили статуэтки "всадников", вылепленных от руки. Сидящие на грубо вылепленных лошадах всадники имеют подчас те же черты, что и ритуальные статуэтки. Например у "всадника" статуэтки КМ 3614/621 на голове головной убор — типа башлыка, фигурки в таком уборе И.Д.Марченко относит к 5 типу "жертвователей". С статуэтками "всадников" в нашей коллекции можно отнести статуэтки под номерами КМ 3614/62, КМ 3614/160, 3614/326.

Некоторые статуэтки — такие как КМ 2619 и головка статуэтки КМ 3614/515 трудно отнести к какому — либо из типов, что говорит о недостаточной разработанности типологии статуэток, сделанной И.Д.Марченко и новые ранее неопубликованные материалы заставляют ее пересмотреть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марченко И.Д., 1974. Марионетки и культовые статуэтки из Пантикапея. САИ П - II, Ч. III, стр.38.
2. Стефани Л. Описание нескольких художественных произведений найденных в Южной России. ОАК за 1873, 1874, 1876, 1877, 1880гг.
3. Кондаков Н.П., 1879. Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту. Зап.Одесского общества истории и древностей. т. XI.
4. Усов С.А., 1885. Древности, т. X. Протокол N211, стр. 58, 59.
5. Анучин Д.Н., 1887. О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России. М.
6. Стасов В.В., 1872. Катакомба с фресками, найденная в 1872г. близ Керчи. ОАК.

7. Подшивалов А.П., 1885. Древности. т.Х. Протокол N 208.
8. Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи его окрестностях. ИАК (вып.9,17,25,47,56).
9. Ростовцев М.Н., 1918. Эллинство и иранство на юге России. Пг.
10. Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.,Л.
11. Ивашова А.П., 1961. Мраморная фигурка мальчика // сб.Херсонесского музея. II. Симферополь.
12. Кругликова И.М., 1966. Боспор в позднеантичное время. М.
13. Марченко И.Д., 1974. стр.38 - 43.
14. Сазонов А.В., 1985. Происхождение одной группы боспорских ритуальных терракот. КСИА. М.
15. Марченко И.Д., 1974. стр.39.
16. Кобылина М.М., 1974. Терракоты Семибратнего городища. САИГ I - II. Ч.IV.М., стр. 42 - 43.

Зеленский Ю.В.

ПОЛОВЕЦКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ И ЗАКУБАНЬЯ

В течении трех лет Приазовская археологическая экспедиция под руководством Н.Ф. Шевченко вела раскопки в степных районах Краснодарского края. В ходе этих раскопок были открыты 6 половецких погребений.

В 1984 году экспедиция вела раскопки у хутора Пролетарский Кореновского района. В одном из курганов эпохи бронзы были обнаружены два впускных средневековых погребения (1)

Курган 3 погребение 2. Было открыто на глубине 0,43 м. Форма могильной ямы не прослежено. Костяк взрослого человека, лежал на спине черепом на север. В погребении найдены два стремени одно подпрямоугольной другое овальной формы, фрагменты железной овальнорамчатой пряжки и остатки железного кольца. Предварительно погребение датируется золотоордынским временем.

Курган 4 погребение 6. Совершено на глубине 0,71 м. Могильная яма не прослежена. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине

1. Автор благодарит Н.Ф. Шевченко за разрешение опубликовать данный материал.

черепом на восток. Череп имел ярко выраженные монголоидные черты. В захоронении найдены костяная накладка от колчана, орнаментированная прорезными концентрическими кружками, костяной втульчатый пулевидный наконечник стрелы, фрагменты железного изделия, железное кольцо, круглорамчатая пряжка с подвижным язычком и нож. Слева от погребенного лежала сабля с колпачковидным навершием длина ее 86 см. Погребение также датируется золотоордынским временем.

В 1986 году работы в этом районе были продолжены. Было исследовано два средневековых погребения (2).

Курган 4 погребение 4. Совершено на глубине 1,83 м. в прямоугольной яме с округленными углами. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток.

Слева от погребенного лежала сабля. В погребении также найдены две круглорамчатые пряжки, фрагменты ножа, фрагмент железного изделия неопределенной формы и фрагменты обкладки колчана с циркульным орнаментом.

Курган 8 погребение 8 (рис. 1). Погребение совершено на глубине 1,52 м в подпрямоугольной яме. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго — восток. В погребении найден доспех состоящий из шлема конической формы с вырезами для глаз (рис. 2, 12) и кольчуги, фрагменты костяного изделия с бронзовыми скобами, железная колчанная скоба (рис. 2, 13), нож с прямой спинкой (рис. 2, 9), две пряжки: круглорамчатая с подвижным язычком (рис. 2, 11), две бронзовые подвески — бубенчика, две костяные накладки от лука и накладка от колчана, украшенная циркульным орнаментом (рис. 2, 3,4,5). Сам колчан был из кожи (сохранился тлен) в нем были три наконечника стрел: срезень в виде лопаточки с округленными сторонами, двулопастной вытянутый и четырёхгранный (рис. 2, 6—7). Слева от погребенного лежала сабля с цилиндрическим навершием длина 1,05 м (рис. 2, 1). Погребение датируется 30 — ми годами XIII в. (3, с.91).

В 1985 г. экспедиция вела раскопки на окраине г. Новокубанска. При исследовании одного из курганов было найдено впускное погребение (рис. 3). Оно было открыто на глубине 0,54 м могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. Справа от погребенного в могилу был помещен костяк лошади. Под черепом лошади находились фрагменты двусоставных кольчатых удил (рис. 3, 3). Справа от погребенного лежала сабля длиной 96 см (рис. 3, 11). В погребении также найдены фрагмент распрямленной серебряной гривны (рис. 3, 12), бронзовое зеркало с петелькой на обороте. От центра лучами отходят 8 валиков. По краю диска выбит небольшой валик (рис. 3, 2), фрагменты деревянного седла (рис. 3, 13—15), нож со слабо изогнутой спинкой (рис. 3, 4), овальнорамчатая пряжка с подвижным язычком (рис. 3, 16), фрагменты стремени (рис. 3, 5). Погребение датируется XIII в (4, с. 46 — 48).

В 1988 году экспедиция вела раскопки меотского городища в ст.

Роговской. Во время этих раскопок было открыто впускное половецкое погребение (5). Видимо кочевники приняли возвышение культурного слоя городища за курган. Захоронение было совершено в деревянной колоде. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на запад. В погребении найдены стремя овальной формы с плоской подножкой, двусоставные кольчатые удила и костяная треугольная подвеска. Предварительно погребение датируется XII — XIII вв.

Инвентарь из данных погребений находит широкие аналогии среди половецких древностей Прикубанья, Закубанья, Подонья, Поднепровья, Причерноморья и Приуралья (6, 7, 8, 9). Стремена датируются XII — XIII вв. более точная датировка затруднена из-за того, что почти все они фрагментированы. Двусоставные кольчатые удила также датируются очень широко XII — XIV вв.

Длинна и кривизна сабель позволяет их датировать XIII в. Аналогичные сабли найдены в чернокобужских погребениях Поросья (10, с. 17), в кыпчакских памятниках Южного Урала (9, с. 12). Шлем (хут. Пролетарский 1986 г. к. 8 п. 8) относится к V типу по типологии Г.А. Федорова — Давыдова и А.Н. Кирпичникова (7, с. 34, 11, с. 29). Такие шлемы появляются не ранее 1200 г. (11, с. 29). Что касается наконечников стрел, то двулопастные наконечники находят аналогии в курганах Приуралья (9, с. 37), в курганах белореченской культуры (12, с. 95 — 99) и в Молдавии в Старом Орхее в слоях XIV в. (13, 145). Четырехгранные наконечники стрел тоже появляются в середине XIII в. (14, с. 144). Золотоордынским временем датируются также накладки на колчан орнаментированные прорезными кружочками (15). В погребении близ г. Новокубанска была найдена серебряная распрямленная гривна. Такие гривны выполняли роль жезлов — символов власти. Ранее их датировали XII — началом XIII вв. (16), но затем это мнение было пересмотрено так как такие гривны встречены в погребениях золотоордынской эпохи.

Что касается ориентировки, то в данных погребениях она разнообразна. Она либо восточная или западная, что характерно для половцев, либо меридиональная (северная или южная), а такая ориентировка появляется в золотоордынское время (7, с. 159; 17, с. 76).

Таким образом эти погребения могут быть датированы XIII — XIV вв. Они были оставлены половцами, которые и после появления монголов оставались основным населением степей Прикубанья и Закубанья. Возможно захоронения можно связать с одним из монгольских походов на Северный Кавказ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко Н.Ф. Отчет о раскопках курганов в Кореновском районе в 1984 г. // НА КГИАМЗ N 439
2. Шевченко Н.Ф. Отчет о раскопках курганов в Кореновском районе в 1986 г. // НА КГИАМЗ N 461.

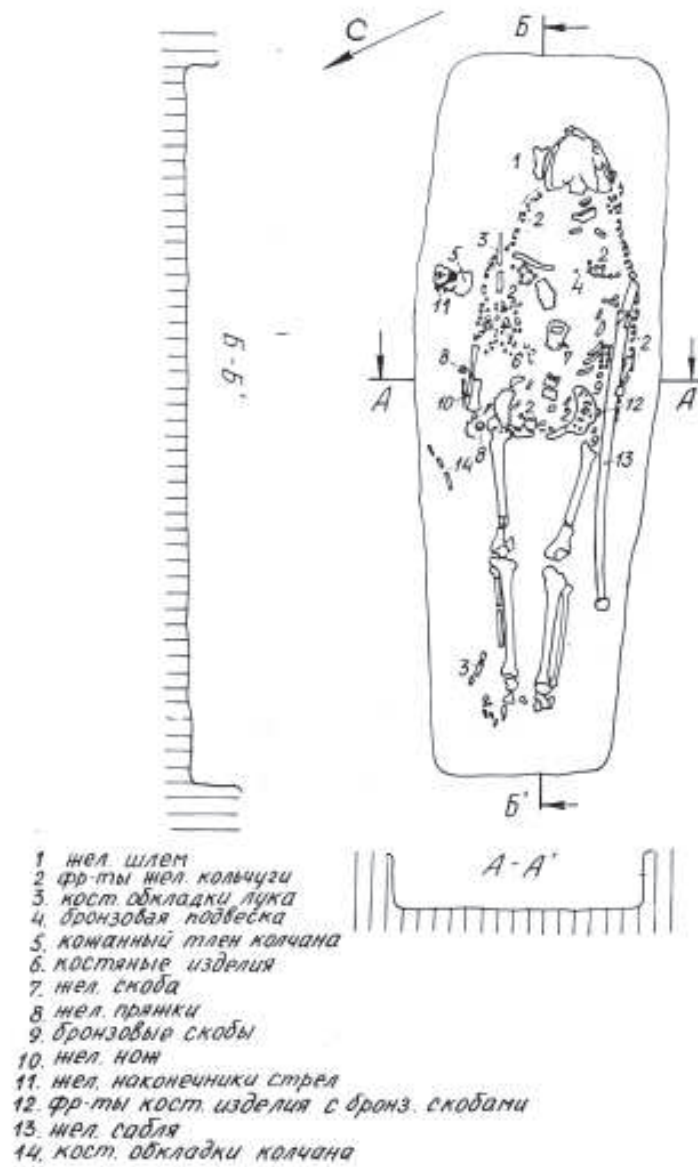

Рис. 1 к статье Зеленский Ю.В. Половецкие погребения из Прикубанья и Закубанья

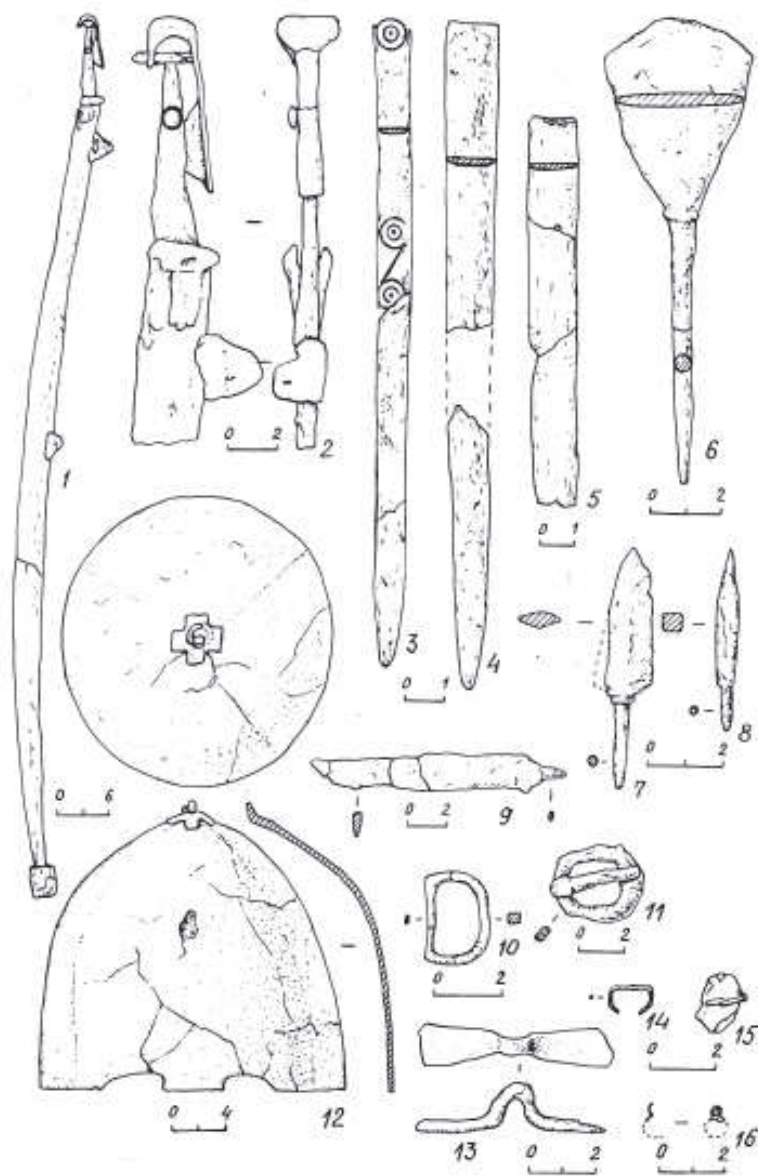

Рис. 2 к статье Зеленский Ю.В. Половецкие погребения из Прикубанья и Закубанья

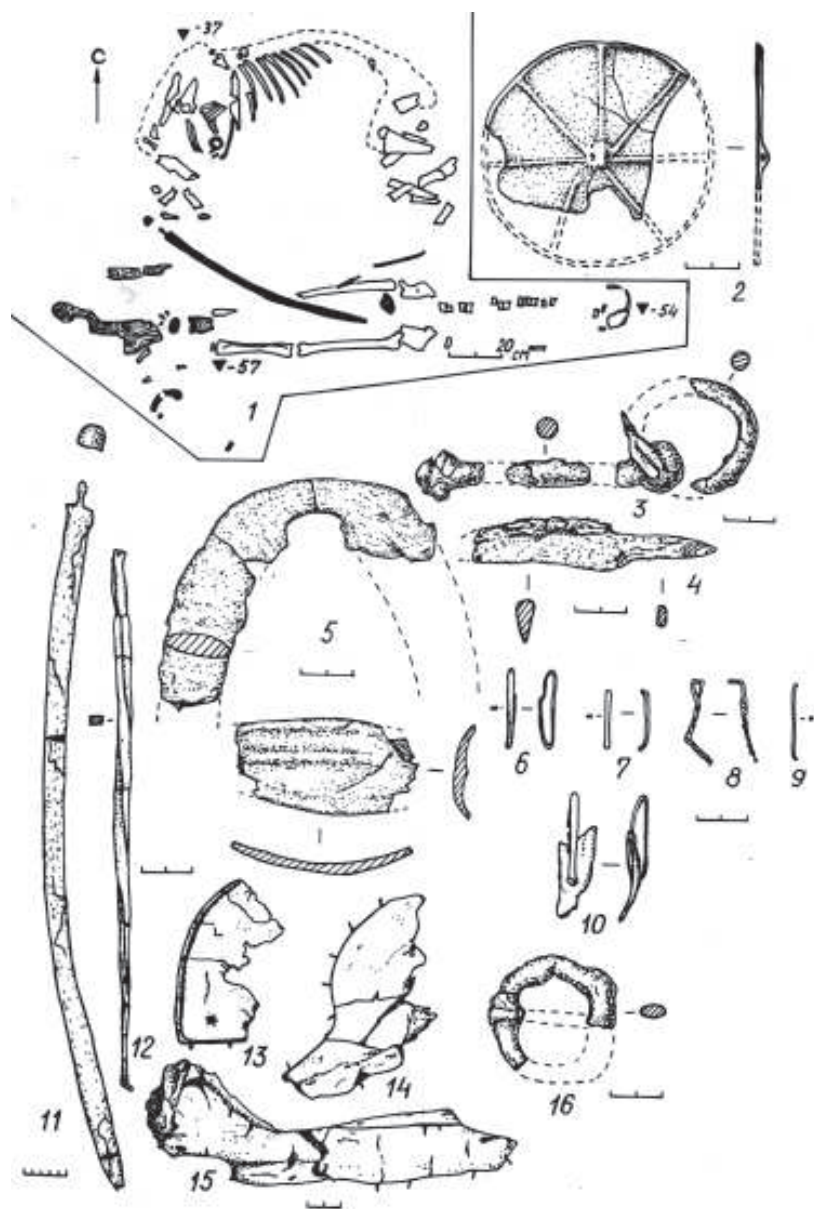

Рис. 3 к статье Зеленский Ю.В. Половецкие погребения из Прикубанья и Закубанья

3. Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // Историко - археологический альманах Вып. 3 Армавир, - М., 1997
4. Пьянков А.В., Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение из Восточного Закубанья // Прочноокопский историко - культурный многоугольник. Материалы конференции. Армавир, 1994
5. Шевченко Н.Ф. Отчет о раскопках курганов у г. Новокубанска // НА КГИАМЗ
6. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА N 62, 1958
7. Федоров - Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов М., 1966
8. Добролюбовский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья Киев, 1986
9. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII - XIV вв.) М., 1988
10. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков // САИ Вып. Е 1 - 19 М., 1973
11. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие: доспех, комплекс боевых средств IX - XIII вв. Вып. 3 // САИ Е 1 - 36 Л., 1971
12. ОАК за 1896 г. СПб., 1899
13. Чеботаренко Г.Ф. К вопросу о классификации средневековых монгольских стрел // МАПП. Вип. 3 Одесса, 1960
14. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья Новосибирск, 1991
15. Малиновская Н.В. Колчаны XIII - XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории Евразийских степей // Города Поволжья в средние века М., 1974
16. Шалобудов В.Н., Яремака В.Н. Гривны в погребениях средневековых кочевников // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья Днепропетровск, 1987
17. Добролюбовский А.О. К проблеме этнической атрибуции и датировки погребений средневековых кочевников в причерноморских степях // Северное Причерноморье (Материалы по археологии) Киев, 1989

РУЧНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ

Специальных исследований по огнестрельному оружию черноморских казаков в отечественной исторической науке не имеется. Автор настоящей работы уже обращался к отдельным вопросам этой темы /см. 1/. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проследить основные этапы перевооружения черноморцев, при возможности, выявить образцы оружия, их технические характеристики, определить источники поступления оружия в войско.

В августе 1787 г. по распоряжению князя Г.А. Потемкина из бывших запорожских казаков, а вскоре — и добровольцев из свободных людей, создаются волонтерные команды для участия в военных действиях против Турции. К концу года эти команды приобретают статус войска, названного в декабре 1788 г. "Черноморским". Динамика роста численности казачьего войска выглядела так. В феврале 1788 г. в нем состояло всего 732 человека, в марте — 1343, в мае — 1812, в июне — 2095 /2, л.л. 2, 11, 13, 14/.

Большая часть из записывавшихся в казаки людей собственного оружия не имела. Основным источником вооружения черноморцев стали русские арсеналы. 2 января 1788 г. князь Г.А. Потемкин предписал атаману С. Белому: "Употребите всемерное старание о приумножении казаков и принимая их, снабжайте оружием. В случае, когда все оружие будет в раздаче, представляйте ко мне, почему я и прикажу вновь еще оно вам отпустить" /3, с. 9/.

Буквально в этот же день атаман С. Белый получил повеление о принятии 499 пар пистолетов /4, л. 2/. В феврале для коша верных казаков доставляются "карабины винтовальные и гладкие" /5, л. 63/. В значительном количестве поступает порох, свинец, кремни. В этот период их отпускают из расчета по 100 патронов на каждого казака, полагая пороха по 2,5 золотника, а свинца по 8 золотников в патрон. Кроме того, на обучение стрельбе, полагалось 35 холостых патронов /5, л. 64/. Выдают казакам и различные принадлежности: отвертки, пыжовники, клейцеры, прибойники, патронташи... Оружие доставляют в основном из Херсонского цейхгауза и отдельных полков регулярной армии. Нередко в документах просто указывается: "принято от князя Эристова", "получено от Аврамова".

Тем не менее, оружия постоянно не хватало, и часть казаков оставалась просто безоружными. Скажем, весной 1788 г. 763 казака имели ружья, а 369 нет /5, л. 71/. Всего в 1787—1788 гг. Черноморскому войску выдали 1696 пистолетов, 2621 ружье, 1592 отвертки, 495 патронташей /6/ К маю 1789 г. для вооружения казаков требовалось 1550 ружей и 2517 пистолетов /7, л. 21/.

Князь Г.А. Потемкин принимает решительные меры для устранения нехватки оружия. 4 июня 1789 г. он велел отпустить из Херсонского мун — дирного магазина 708 новых карабинов /8, л. 6/. 28 июня из Елисаветграда выслали 1400 карабинов, из которых новых было только 160, а остальные — "бывшие в употреблении" /8, л. 29/. В июле месяце из Херсона доставили 2724 ружья /8, л. 43/.

Однако, оружие утрачивалось в сражениях, походах, гибло при несчастных случаях /лодки, унесенные в море и затонувшие с оружием, пожары/, часть казаков, получив оружие и одежду, просто сбегала. Наглядное представление о "наличном" оружии /как казенном, так и собственном/ в Черноморском казачьем войске на лето 1789 г. дает следующая таблица /8, лл. 8 — 14/:

казаков по списку	ружей казенных	пистолетов казенных	ружей собственных	пистолетов собственных
4365	2432	509	151	127

Для черноморского казака полагалась следующая "вооруженность по штату": ружье, пистолет, пика. Однако при постоянной нехватке оружия далеко не все казаки имели этот полный комплект. Нередко обходились двумя, а то и одним из названных видов оружия. Многие из "лодочных" казаков имели лишь русские военные ножи, насаженные на дровяные рукоятки.

Таким образом, в годы русско — турецкой войны 1787 — 1791 гг. основным оружием черноморских казаков было уставное огнестрельное оружие русской армии: ружья, карабины и пистолеты. Какие именно образцы передавались казакам, определить по документам невозможно. Скорее всего, "новые" гладкоствольные и нарезные карабины являются кавалерийскими карабинами образца 1775 г./9, с. 44/. Упоминаемые в документах "бывшие в употреблении" карабины, могут означать любой устаревший образец, снятый с вооружения регулярных войск.

Нет возможности разобраться и с типом ружей. Вероятно, это были пехотные или драгунские модели. Есть сведения, что в годы войны использовались старые солдатские фузеи, собранные из отдельных отремонтированных частей /10, с. 76/. В одном из рапортов атамана С. Белого начала 1788 г. есть просьба о выделении казакам "ружей винтовальных" /11, С. 14/. По данным Л.К. Маковской, материалов о производстве нарезных ружей в этот период для регулярной армии не встречается. Однако, она полностью не исключает возможность изготовления винтовальных ружей /10, с. 67/. Возможно, что в годы войны делали небольшие партии нарезного оружия и часть его досталась и казакам.

Что же касается пистолетов, то они, вероятнее всего, принадлежали к группе так называемых сборных пистолетов, т.е. собранных из отремонтированных частей пистолетов разных лет и конструкций. Во время рус —

ско — турецкой войны 1787 — 1791 гг. их изготавливали в основном на Кре — менчугском заводе /9, с. 53/.

Сделаны они были вполне добротно и ничем не отличались от новых.

С окончанием войны и переселением Черноморского войска на Ку — бань централизованные поставки оружия прекращаются. Теперь ружья приобретаются на ярмарках и в торговых лавках. Как правило, это до — вольно дешевле, но и довольно посредственные ружья. Условно их можно назвать "цивильными". Предназначены они прежде всего для бытовых целей /охота, охрана жилища.../, но при необходимости используются и на военной службе. Естественно, ружья эти отличались большим разнооб — разием. До нас дошли сведения о наименованиях некоторых из них. И.Д. Попко писал о "терновках", "литовках", "арнаутках" /12, с. 198/. По документам конца XVIII — начала XIX в. мы можем добавить "павловку", "бабакивку", "черноложку".

Достаточно простой представляется атрибуция "арнаутки". В бук — вальном смысле это албанское ружье. Возможно, так называли все ружья балканского /а, может быть, и вообще восточного/ происхождения. Ос — тальные названия, судя по всему, происходят от имени мастера, торговца, места изготовления или внешнего вида /"черноложка" — ружье, имевшее ложе, выкрашенное черной краской?/. По свидетельству В.А. Голобуц — кого, "павловскими" ружьями широко торговали еще в Запорожской Сечи /13, с. 264/.

В 1801 г. часть казаков на канонерских лодках получила мушкетоны /14, л. 43/. Характерным отличием этого оружия является расширение ствола у дула /распал/. В этот период было известно два варианта мушкетонов: с длинным стволом и малым распалом, с коротким стволом и большим распалом /15, с. 42/. Выделить тип мушкетона, бывший на вооружении черноморцев, не удалось. Впрочем, в силу своей малочисленности, мушке — тоны не оставили никакого следа в истории казачьего оружия и их крат — ковременное использование представляет собой просто любопытный эпи — зод.

В XIX в. основным поставщиком оружия для Черномории становится Тула. Ружья поступают по трем каналам: войсковые заказы, ярмарочная торговля /в том числе с участием и самих тульских мастеров/, розничная торговля в постоянно действующих екатеринодарских лавках. В 1811 г. тульские мастера для Черноморской гвардейской сотни изготовили пистолеты "на турецкий манер", а ружья "на манер черкесский" /16, л. 20/. В мае 1813 г. Черноморское войско заключило с тульским оружейником И.Н. Бривиним контракт на изготовление 2034 длинноствольных "винтовых" ружей /17, л. 16/. Стоимость ружья была определена в 14 руб., но с издержками она возросла до 14 руб. 17 3/4 коп. Вначале по этой цене, а затем по 15 руб. за штуку ружья отпускались в полки и жителям приграничных селений за наличные деньги и в долг. Интересно отметить, что деньги за ружья взыскивали еще в 1839 г. и даже искали родственников

умерших казаков /17, л. 656/. Судя по всему, ружья Бривина принадлежали к группе "сборных". На замках и стволах не было дат изготовления, "замки не одного сорта, не подходят к ружьям и пистолетные" /18, л. 5/.

11 февраля 1816 г. высочайше утверждаются форменные мундиры для черноморских казаков. В конце октября хорунжий Летевский доставил их в Екатеринодар. В составленной по этому случаю "описи апробованных мундиром и аммуниционным вещам" значатся два пистолета со шнурами /19, л. 17/. Описание пистолета, шнуров и кистей появляется в документах только через несколько лет. Судя по этому описанию, на вооружение казаков поступил солдатский пистолет с ударно — кремневым замком образца 1809 г. В одном из документов указан и способ ношения: "Пистолет ... вкладывается с левого бока в нарочито пришитую к португее кобуру из красного же ремня" /20, л. 157/.

Что же касается уланских карабинов на белых лосиных перевязях, якобы поступивших на вооружение черноморских казаков в 1816 г. /это утверждение кочует в оружейведческой литературе, начиная с труда А.В. Висковатова "Историческое описание одежды и вооружения российских войск" ч. 18, СПб, 1901/, то никаких документов об этом отыскать не удалось. Ни карабинов, ни каких-либо ружей вообще, нет ни в одной из описей доставленных в Екатеринодар образцовых вещей. Когда в 1819 г. граф Ланжерон потребовал вооружить карабинами 11-й конный полк черноморского войска, отправляемый в Польшу, то атаман Матвеев резонно ответил: "Карабинов..., к мундирам сему войску назначенных, не положено и образца не имеется, перевязей белых во всех здешних полках еще не строены..." /21, л. 608/.

Полк отправился в Польшу, не имея многих форменных вещей /вполне типичная ситуация для любого "внешнего" похода черноморских казаков/. Командиру полка войсковому старшине Стринскому было предписано приобретать недостающее снаряжение по пути следования, Карабины, перевязи и шинели Черноморская Войсковая Канцелярия "подрядила" у тульского оружейника Н. Лентяева. 1 декабря 1819 г. он отправил изготовленные вещи в г. Владимир /21, л. 655/. Но полк этот город уже прошел. И только где-то в январе-феврале 1820 г. /вероятно, в г. Млаве/ казаки получают долгожданное оружие.

Официальный контракт на поставку десяти конным полкам черноморского войска 2500 карабинов /по 250 на полк/ был заключен с Н.А. Лентяевым 24 мая 1820 г. /22, л. 1/. Казаки крайне неохотно покупали эти карабины и не хотели брать их даже в долг. Первая причина заключалась, по мнению командира 5-го конного полка, в том, что казаки "имели всякий почти у себя прежнего калибра длинноствольные ружья, которые вынуждены были по принятии сих карабинов сбывать ... по самым низким ценам" /23, л. 17/. Вторая причина видна из рапорта командира 6 конного полка: "Карабины же по неспособности остались без всякого употребления и опять должны были справлять другие старого калибра способные

ружья" /23, л. 18/. 4-й конный полк принял карабины, но, признав их "неспособными к действию", оставил старые длинные ружья. Некоторые полки вообще отказались получать карабины.

Таким образом вовсе не карабины являлись характерным оружием черноморских казаков этого периода, а обычные ружья, о которых мы уже писали. Впоследствии карабины выдавались только полкам, выходящим на внешнюю службу, дабы они выглядели однообразно вооруженными. При этом надо заметить, что карабины Лентяева оказались вовсе не уланского образца. Собирались они из разновременных деталей и не были сходны ни с одним из ружей тульского завода. Когда в 1822 г. Черноморское войско попыталось продать их казне, то Артиллерийский департамент, рассмотрев присланный карабин, нашел, что более всего он похож на гусарское ружье последнего образца, но требует определенной переделки /24, л. 14/.

Непригодность карабинов к условиям кордонной службы понял и ко-мандир отдельного Кавказского корпуса А.П. Ермолов. "Может быть, — писал он в Петербург графу Закревскому, — карабины сии против евро-пейской конницы на что — нибудь и годятся, но против горцев, имеющих винтовки, и когда казаки нередко для обороны должны сражаться спешившись, совершенно негодны, и казак, почувствовавший недостаток своего оружия, потеряет дух в сопротивлении. Я прошу исходатайствовать отмену сих карабинов и заменить их длинноствольным ружьем не на панталере, а на простом черном кожаном ремне" /25, с. 349/. В конце декабря 1821 г. Ермолову сообщили о "соизволении" императора на замену карабинов. 4 февраля 1822 г. Ермолов пишет командующему в войске Черноморском генерал — майору Власову: "Вы видели длинноствольное ружье, представленное мне в бытность мою в Екатеринодаре и одобренное многими чиновниками. Извольте избрать несколько таковых, тщательно испытать и лучшее из них препроводить ко мне, которое и будет образцовым" /26, л. 4/. При этом Ермолов требовал, чтобы ружья были "гладкие и не винтовки, ибо сии последние не так удобно заряжаются".

Осмотр оружия, произведенный в екатеринодарских лавках, позволит нам уточнить некоторые детали в отношении ружей, использовавшихся в это время казаками. В лавках калужского мещанина Ивана Коренева и тульского Антона Пономарева продавались "ружья короткие охотничьие, сделанные на манер немецких и длинноствольные, в ложах сделанных на манер черкесских, винтовальные и кругляки..." /27, л. 2/. Но три образцовых длинноствольных ружья были куплены в лавке известного нам тульского оружейника Лентяева по 20 рублей за каждое /24, л. 6/.

Из них произвели стрельбы "пропорциональной пулей". Первое ружье попадало в цель на 50, второе на 47, а третье на 40 трехаршинных сажений. Первое отправили в специальном чехле А.П. Ермолову, а второе и третье генерал — майор Власов "препроводил в Канцелярию для хранения и образца". Приведем официальное описание ружья образца 1822 г. "Ружье

же должно быть в длину с прикладом на манер черкесского сделанным; деревом крепким красной краски, и гранастим /граненым — Б.Ф./ сверху стволом не менее 2 арш. 6 верш., в середине каналом одинаковой меры круглым гладким без раковин, с медными снаружи дужками или антабками, 4 — мя медными поясками, медными же гладкими затравками или полками, черными в один вершок ремнями; прибоич железный, долженствующий иметь трищотку и пыжовик, которое достигало бы в настоящую цель пропорционально пулею не менее 47 трехаршинных сажений" /27, л. 2/.

Казакам разрешалось, не отступая от образца, приобретать ружья и "лучше". Судя по документам последующих лет, говорить о каком — то еди — нообразии ружей не приходится. Уже в 1823 г. М.Г. Власов констатировал, что казаки продолжают покупать "ружья и пистолеты разнокалиберные, несообразные во всех частях противу утвержденной формы..." /28, л. 196/. Характерной и общей для всех ружей чертой можно считать только длинный ствол. При описании ружей становится стандартной формули — ровка — "тульские длинноствольные". Судя по ведомостям 20 — 30 — х гг. тульское оружие уже не просто преобладает, а является практически един — ственным на вооружении казаков. В 30 — е гг., кроме длинноствольных ружей, встречаются еще и короткоствольные, и единичные случаи употребления карабинов. Имеются факты передачи Черноморскому войску старых пехотных ружей.

1 ноября 1840 г. утверждаются новые образцы обмундирования и во — оружения казаков Черноморского войска. Описание оружия приводится в 1841 и 1842 гг. /см. 29/. Офицерам и казакам конных полков полагались кавалерийские пистолеты, а казакам еще и ружья, утвержденные 29 апреля 1838 г. Нижним чином пеших батальонов — обыкновенные пехотные ружья со штыками /причем эти ружья отпускались "для вспомощество — вания войску" безвозмездно/.

19 сентября 1842 г. наказной атаман Черноморского войска ходатай — ствовал об отпуске 9018 ружей для пеших казаков. При этом он полагал, что "было бы удобнее вооружение их ружьями, употребляемыми в сапер — ных и пионерских батальонах..." /30, л. 3/. Однако Артиллерийский де — партамент "ассигновал" казакам английские ружья, состоящие в артилле — рийских гарнизонах. Закупленные в начале 30 — х годов в Англии, они ока — зались совершенно непригодными для вооружения регулярных войск и были переделаны на Сестрорецком заводе под "гарнизонный образец".

Пока шла переписка о ружьях, 14 мая 1843 г. последовало высочайшее соизволение о даче пластунам и застрельщикам пеших батальонов штуцеров, которые предполагалось заказать в Литтихе. Там уже изготавливали 3500 штуцеров для 9 стрелковых батальонов армии. Находившийся в Литтихе полковник Куликовский получил предписание заказать у фабриканта Малгерба еще 864 штуцера для казаков /31, л. 9/. Описание литтихского штуцера можно найти в специальной литературе /см. 32/. Укажем лишь на некоторые детали, предусмотренные контрактом с Филипом Иосифом

Малгербом /31, л. 17/. Ложа изготавливалась из орехового дерева и покрывалась лаком. Допуски на длину ствола составляли одну линию, на вес — 0,5 фунта. К штуцеру полагались: шерстяной футляр, мечевидный штык — тесак, форма для пуль, отвертка, медный чистильник, пыжовик и прибойник из клена с грибовидным навершием. С осени 1844 г. черноморские пластуны и застрельщики были вооружены весьма современным по тому времени оружием.

Зато английские ружья, полученные в основном из Московского арсенала, оказались просто отвратительного качества. Есаул Ткаченко, принимавший ружья в Москве, 8 ноября 1843 г. рапортовал наказному атаману: "Отпускаемые мне ружья есть переделанные, разного калибра в стволах, замках, ложах, шомполах и штыках; в неисправностях, многие починяются и потому происходит в приеме медлительность..." /30, л. 193/. Кроме английских, черноморцам передали и бывшие в употреблении ружья Тульского и Ижевского заводов, изготовленные в начале 30-х гг. Всего в Черноморское войско поступило 8154 кремневых пехотных ружья.

Требуемые для 12 конных полков и 3-х конно — артиллерийских батарей 10939 пистолетов, Военный Совет назначил отпустить из Киевского арсенала, Ново — Георгиевского гарнизона и Тульского оружейного завода по цене 2 руб. 57 коп. серебром за штуку /33, л. 1/. Это были переправленные по новому образцу /1839 г./ кавалерийские пистолеты "в полуложах". Все приемщики от войска отметили их низкое качество. Сотник Соймонов сообщал из Ново — Георгиевска: "... пистолеты, которые мною получают, переделывались из старых при здешнем арсенале, так что первоначальная поделка оных при Тульском и Сестрорецком заводах относится на времена 1812 и 1827 годов, выше оных годов уже не находится" /33, л. 91/. В Туле оказалась подобная же ситуация: "Переправочные пистолеты собраны из оружия разного рода, разных заводов, разных годов и разного образца; кроме ложи и медной дульной бляхи новых..." /33, л. 138/.

10176 ружей для казаков 12 конных полков /кроме 156 трубачей, вооруженных только пистолетами/ были заказаны в Туле по войсковому порядку за 44715 руб. /34, л. 109/. В ряде документов их называют просто "кавалерийские ружья". Но встречаются и более точные формулировки: "кавалерийские казацьи", "казацьи", "казацьего калибру", "форменные казацьи". Это позволяет говорить о том, что на вооружение конных казаков поступили казацьи ружья образца 1832 г. От пехотных они отличались более коротким стволом и прикладом азиатского типа. Вместо антабок, для крепления ремня, в прикладе и в цевье имелись горизонтальные прорези. Грани на стволе шли во всю его длину. По отзывам современников, из казацьего ружья на верный выстрел можно было рассчитывать при стрельбе не более чем на 70 шагов.

Пехотные кремневые ружья уже через несколько лет пришли в полную непригодность. В 1850 г. Военный Совет поставил отпустить Черноморскому войску 8154 переделочных по ударной системе пехотных ружей /35,

л. 44/. С перевозками и переделкой в Туле из кремневых в ударные / ружья с ударно — капсюльным замком/ они обошлись войску более 68 тыс. рублей. На каждое ружье полагался запасной стержень. Таким образом, с 1850 г. пешие черноморские казаки были вооружены пехотными ружьями образца 1844 года с ударно — капсюльным замком, переделанным из образца 1828 — 1839 годов. Любопытно отметить, что пехотные уставные ружья в Черноморском войске называли "москалями" /36, с. 51/. В 1855 г. под руководством поручика Любенкова к 1300 ударным ружьям были приделаны прицелы новой системы. Тогда же под его руководством в войске началось изготовление новых боевых патронов "с продолговатыми пулями французского образца" /37, л. 247/.

21 октября 1849 г. высочайше утверждается образец казачьего офицерского пистолета. В мае 1851 г. один образцовый ударный пистолет стоимостью 12 руб. 50 коп. передается в войско. И только в 1854 г. атаман Я.Г. Кухаренко обращается в правление Тульского оружейного завода с просьбой об изготовлении офицерских пистолетов /38, лл. 26, 28/. В том же 1854 г. военный министр предложил офицерам Кавказского корпуса приобрести за наличные деньги "пистолеты — револьверы" полковника Кольта, закупленные в количестве трех тысяч штук /продажная цена 25 руб. серебром/. По материалам этого дела никто из господ офицеров Черноморского войска "на выписку револьверов — пистолетов желания не изъявил" /39, л. 22/.

В июле 1854 г. пластуны и застрельщики конных полков снабжаются штуцерами Гартунга, выписанными с Ижевского оружейного завода. Более никаких существенных изменений в вооружении Черноморского войска не происходило.

Подводя итоги, мы можем выделить в истории огнестрельного оружия черноморских казаков четыре основных периода. Первый связан с русско — турецкой войной 1787 — 1791 гг. Для него характерно наличие в войске оружия собственного и выданного "от казны". Второй период, продолжавшийся до 1820 г., можно условно назвать периодом "оружейной анархии". Казаки вооружены как иностранными /турецкими, балканскими, европейскими, черкесскими/, так и русскими ружьями различных типов, конструкций и калибров. Войсковую администрацию интересует лишь факт наличия ружья, а вовсе не какое — то единообразие в вооружении. Пистолеты в этот период /впрочем, как и в последующие/ серьезного боевого значения не имеют. Количество их в войске очень незначительное; во всяком случае, в описях имущества выходящих на службу казаков они практически не встречаются. В эти же годы Черноморское войско устанавливает деловые контакты с Тульским оружейным заводом и отдельными тульскими мастерами и к концу периода в вооружении казаков начинают преобладать тульские длинноствольные ружья.

Третий период /1820 — 1840 гг./ можно определить как период официально утвержденных образцов. Образцовые ружья хранились как в

1

2

3

Рис. к статье Б.Е. Фролов Ручное огнестрельное оружие черноморских казаков :

1. Мушкетон кремневый. 2-я половина XVIII в.
2. Литвихский двухнарезной штуцер образца 1843 г., состоявший на вооружении в России (рядом - штык-тесак).
3. Кремневый пистолет образца 1809 г.

Екатеринодаре, так и при Окружных дежурствах. Определенные чиновники были обязаны следить за тем, чтобы торговцы продавали ружья "форменного калибра" или, по крайней мере, сходные с ним. /"калибр" в лексике черноморцев означал не диаметр ствола, а "тип", "образец"/. В реальной жизни ружья отличались большим разнообразием в деталях и объединяющим их в одну группу признаком был длинный ствол.

Четвертый период /1840 — 1860 гг./ характеризуется переходом на уставные образцы, присущие или регулярной армии или всем казачьим войскам России.

Образование в 1860 г. Кубанского казачьего войска совпадает с принятием на вооружение казаков 6-линейных винтовок и последующим переходом на казнозарядные системы, что представляет отдельную эпоху в истории огнестрельного оружия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Фролов Б.Е. Оружие черноморских казаков первой половины XIX века// *Новейшие исследования по истории Кубани*. Краснодар, 1992;
- 1а. Об адытском влиянии на оружие черноморских казаков// *Фольклорно-этнографические исследования этнических культур Краснодарского края*. Краснодар, 1995;
- 1б. Оружие и снаряжение черноморских пластунов// *Вопросы отечественной истории*. Краснодар, 1995.
2. ГАКК /Государственный архив Краснодарского края/, Ф. 249, оп. 1, д. 16.
3. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. П. СПб, 1896.
4. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 4.
5. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 9.
6. Короленко П.П. Предки кубанских казаков на Днестре// *Кубанский сборник*. Т. 8. Екатеринодар, 1902. Прилож. 1.
7. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 30.
8. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 45.
9. Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV-XVIII веков. *Определитель*. М., 1992.
10. Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV-XVIII веков. *Каталог*. М., 1990.
11. Дмитренко И.И. Указ, соч. Т. III. СПб, 1896.
12. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб, 1858.
13. Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957.
14. ГАКК. Ф. 250, оп. 2, д. 55.
15. Шокарев Ю.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII в.// *Из истории русской армии и оружия*. М., 1987.
16. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 453.
17. ГАКК. Ф. 250, оп. 2, д. 241.
18. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 851.

19. ГАКК. Ф. 250, оп. 2, д. 303.
20. ГАКК. Ф. 670, оп. 1, д. 24.
21. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 746, т. 3.
22. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 799.
23. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 983.
24. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 814.
25. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. II. Тифлис, 1904.
26. ГАКК. Ф. 318, оп. 1, д. 16.
27. ГАКК. Ф. 286, оп. 1, д. 26.
28. ГАКК. Ф. 261, оп. 1, д. 128.
29. ПСЗ. СОБР. 2. Т. 16. 1841. СПб. 1842. ст. 14241; Т. 17. 1842. СПб, 1843. СПб. 15809.
30. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 263.
31. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 207.
32. Мавродин В.В., Мавродин Вал.В. Из истории отечественного оружия. Л., 1981;
- 32а. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. Л., 1937; СПб, 1994;
- 32б. Федоров В.Т. Эволюция стрелкового оружия. М., 1938.
33. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 326.
34. ГАКК. Ф. 252, оп. 1, д. 276.
35. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 581.
36. Фоменко А.С. Фоменко, его потомки и бытовая их жизнь. Екатеринодар, 1903.
37. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 1024.
38. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 799.
39. ГАКК. Ф. 315, оп. 1, д. 679.

Матвеев О.В.

ПРУССКИЙ ПРИНЦ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ

В 1993 г., работая в составе очередной фольклорно – этнографической экспедиции Центра народной культуры Кубани, автор побывал в станице Безводной Майкопского района Республики Адыгея. Бывшая Прусская /в 1915 г. на фоне патриотического подъема германское звучание названия станицы послужило поводом для ее переименования/ представляла собой

печальное зрелище: из трехсот дворов были обитаемы около сотни, большинство жителей были людьми преклонного возраста. Но эти забытые, ненужные республиканским властям старики, оказались прекрасными рассказчиками, песельниками, хранителями живой устной истории. На вопрос — почему станица прежде называлась Прусской, один из старожилков сообщил, что так ее наименовали в память о прусском генерале, погибшем в этих местах. Так народная традиция творчески переработала эпизод пребывания на Кубани в 1862 г. прусского принца Альберта.

Разыскания в Российском Государственном военно — историческом архиве позволили выявить несколько интересных документов, связанных с посещением нашего края столь знатной особой. Принц Альберт Прусский /? — 1872/, брат короля Вильгельма I, генерал — от — кавалерии, был шефом Малороссийского драгунского его имени полка. Назначение шефами полков Высочайших особ, в том числе иностранных, было давней традицией русской армии /9, с. 38 — 39/. 6 октября 1862 г. оберквартирмейстер войск Кубанской области Э.В. Шолковской получил от начальства сообщение, что "путешествующий по Кавказу брат короля Прусского принц Альберт изъявил желание принять участие в военных действиях с войсками Кубанской области"/3, л. 32/.

Приезд представителя Прусского королевского дома, видимо, немало озадачил командующего войсками генерала Н.И. Евдокимова. Согласно разработанному им плану полным ходом шли наступление вглубь гор, прорубка просек, основание новых станиц, сопровождающиеся ожесточенными стычками с горцами, вытесняемыми из родных мест. Не останавливаясь перед жесткими мерами, Евдокимов спешил закончить Кавказскую войну: волновалась Польша, возникла угроза очередного появления в Черном море союзного флота Англии и Франции... А здесь, так некстати, Высочайшая особа, за которую надо отвечать головой.

И генералу пришлось поволноваться! На пути из Ставрополя, при спуске с пригорка, коляска, в которой ехал принц, не была заторможена. Лошади, будучи не в силах сдержать напор экипажа, ускорили аллюр. Казаки конвоя, желая остановить коней, бросились к ним, но еще больше перепугали упряжку. Лошади свернули на попавшийся кособок и опрокинули экипаж. Принц вывалился и "ушиб себе лицо в двух местах над обеими бровями и незначительно повредил левое ухо"/3, л. 42/. Первые "боевые потери" не остановили пруссака. Евдокимов озабоченно сообщал командующему Кавказской армией 1 ноября 1862 г.: "В настоящее время здоровье Его Высочества вполне удовлетворительно и он выезжает к действующему Даховскому отряду"/3, л. 42/.

Для члена королевской фамилии выслуга званий и орденов не обязательно была сопряжена с участием в боях «достаточно было присутствия в штаб — квартире действующей армии. Но принц решил непосредственно поучаствовать в боевых действиях с горцами, а, возможно, и посмотреть, насколько сильны эти русские? Обычно в подобных случаях создавались

особые подразделения, которыми в благоприятных условиях и командовали коронованные особы. Но Н.И. Евдокимов принял решение подчинить принцу Даховский отряд, начальником которого был один из самых способных кавказских офицеров полковник В.А. Гейман. В отзыве дежурному офицеру Главного штаба Евдокимов писал 16 ноября 1862г., что для "Его Высочества принца Альберта Прусского не было сформировано особого отряда или составлена особая экспедиция, но что он участвовал в тех действиях, которые вошли в круг общих моих соображений, которые должны были исполниться именно в то время, когда он посетил Кубанскую область"/3, л. 42/. Видимо, генерал предпочитал держать гостя под неусыпным контролем в "кругу своих общих соображений".

"Само собой разумеется, — отмечал биограф Н. И. Евдокимова, — что командование принца было лишь почетное, т.к. и сам он, без сомнения, понимал, что не может быть распорядителем в деле ему вовсе незнаком"/7, с. 406/. Новоиспеченному начальнику Даховского отряда была предложена к исполнению "весьма важная операция": провести рекогносцировку пространства от р. Курджипис к верховьям течения р. Пшехи. Совершив со своим отрядом 4 — 11 ноября несколько движений по реке Тхаць до аула Шагуше — Хабль, принц выполнил поручение командующего "с полным успехом". Евдокимов писал, что Альберт Прусский "прошел неизвестную нам до настоящего времени страну, сильно потревожил там горское население и проложил первый путь к изгнанию неприятеля из нагорного пространства между рр. Курджиписом и Пшехою"/3, л. 42/. Результаты рекогносцировки изложил сам принц в своем приказе по войскам Даховского отряда от 11 ноября 1862 г.: "Проложены просеки, разработаны дороги, истреблены 20 неприятельских аулов и отбито 3000 штук баранты и рогатого скота и взяты в плен 3 мужчин и одна женщина"/2, л. 29/.

Возможно, в наше время "общечеловеческих ценностей" и возрождения национальной истории народов Северного Кавказа несколько корыстно, казалось бы, циничное сообщение об уничтоженных аулах. Но это — если не вникать в психологию эпохи, конкретные исторические обстоятельства затянувшейся и ожесточавшей противников Кавказской войны. Суровая логика и опыт войны диктовали ее развитие по своим законам, не подверженным оценкам и нравственным ориентирам сегодняшнего дня. "Казалось, что не следовало бы жечь аулов, — писал в своих воспоминаниях один из кавказских офицеров, — а оставить их новым переселенцам, как отличный материал для постройки домов. Но на самом деле оставлять их было крайне опасно. Если горцы и бросали свои аулы, то потому, что ожидали скорого их истребления; но если бы они заметили, что мы не уничтожаем аулов, и что колонны наши ходят по этой дороге, то пользуясь возможностью скрывать людей от непогод, выбрали бы один из аулов своим постоянным сборным пунктом, откуда легко могли бы следить и за действиями наших отрядов, в случае оплошности с нашей стороны, мгновенно —

венно воспользоваться ею, имея для того готовых людей" /5, с.55/. Вольно — любивые и воинственные горцы вовсе не были теми безобидными мирными поселянами, которых жгли и разоряли "царские колонизаторы" ради собственной прихоти, как это нередко представляется в наполненной эмоциями новейшей литературе о Кавказской войне. В приказе принца говорится, что "как при наступлении, так и при отступлении войска имели ежедневно перестрелки с неприятелем, а 9 сего ноября и молодецкое арриегардное дело" /2, л.29/. Речь идет об эпизоде, когда отряд снялся с одной из своих позиций неподалеку от сегодняшней станицы Безводной и начал отступление, преследуемый превосходящими партиями горцев. Как сообщал А.Л. Зиссерман, "дело произошло весьма жаркое, стойвшее нам 1 убитого офицера и 6 рядовых, ранеными одного офицера и 33 нижних чинов" /6, с.412/. Как знать, не реликты ли этого сражения сохранились в поведенном нам предании о погибшем генерале?

Прусский принц высоко оценил боевую доблесть кавказских войск. Особенно он был в восторге от охотников Кабардинского полка. И было отчего! Охотничья команда полка состояла из 70 человек. Прекрасные разведчики, они носили черкесский костюм, имели бороды и бритые головы, были хорошо знакомы с приемами и привычками горцев. "Все эти наружные признаки, — писал полковник Щелкачев, — сбивали с толку самих горцев и нередко они принимали охотников, в их разнокалиберных и полуизорванных черкесках, за своих соплеменников — что давало возможность партизанам часто выходить из крайних затруднений, еще чаще усыплять бдительность неприятеля и его недоразумение обращать себе на пользу" /10, с. 526/.

В своем прощальном приказе по отряду принц отметил "беспримерные боевые качества войск" .назвал кавказцев своими "храбрыми боевыми товарищами". Н.М. Евдокимов подчеркивал, что Его Королевское Высочество "своею неустрашимостью и постоянным нахождением во всех опасных местах, где только лишь завязывались перестрелки, поистине удивлял кавказские войска" /3, л.47/. Командующий войсками Кубанской области пять дней "провел в лагере в самом тревожном положении, получая ежедневные известия, что Его высочество не бережет себя и пренебрегает всеми опасениями" /3, л. 47/. Орден Св. Георгия 4 — й степени, пожалованный Альберту Прусскому 1 декабря 1862 г. /4, с.76/ был, таким образом, вполне заслуженной наградой для особы королевского дома.

Память о пребывании высокого немецкого гостя на кубанской земле осталась в названии основанной в 1863 г. станицы Прусской. Версия видного кубанского топонимиста С.В. Самовтора, выдвинутая в 1994 г. об адаптации на русский лад адыгского названия реки Прусухи и производной от нее Прусской /8, с. 43/ не выдерживает критики: источники прямо сообщают, что станица была названа "в честь принца" /6, с. 416/. Довод исследователя о том, что название реки всегда является первичным, а населенного пункта вторичным, производным от гидронима, в данном случае

неправомерен. В.А. Гейман сообщал Н.И. Евдокимову в письме от 17 января 1863 г.: "Для станицы Прусской будет отличное место так как Вы желали, гораздо правее той дороги, по которой мы шли с принцем, на р.Шекоу, правом притоке р. Тыжа, впадающей в Пшеху с правой стороны"/1, л. 18/. Даже если и предположить созвучие "Шекоу" и "Просыха", весьма относительное, все равно из документа видно, что название "Пруская" дано на официальном уровне перед заселением станицы, а не постепенно в обиходном употреблении близкого по наименованию "Просуха". Впрочем пытливый и добросовестный исследователь топонимии Кубани недавно отказался от своей ранней версии.

Участие Альберта Прусского в Кавказской войне лишь маленький, может быть, совершенно незначительный эпизод этого широкомасштабного и противоречивого события отечественной истории. Но как важны подобные "мелочи" краоведам, всем любителям истории "малой" Родины. Если Богу будет угодно возродить к жизни вымирающую сегодня Безводную, то хочется верить, что потомки местных жителей будут помнить, чье имя носила их станица в течении полувека.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Российский Государственный военно-исторический архив /РГВИА/. Ф.ВУА.Д.6696.Ч.1.
2. РГВИА.Ф. 14257.Оп.3.Д. 181.
3. РГВИА.Ф. 14719.Оп. 1.Д.230.
4. Аутлев П.У. Адыгея в хронике событий /с древнейших времен до 1917 г. Майкоп, 1990.
5. Гейнс К. Пшехский отряд. С октября 1862 по ноябрь 1864 г.// Военный сборник. 1866.Т.47.
6. Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельд-маршала князя Барятинского полка /1726-1880/.Т.3.СПб., 1881.
7. Ореус И.И. Граф Н.И. Евдокимов 1804-1873 // Русская старина. 1889. Кн. XI.
8. Самовтор С.В. Происхождение названия станицы Безводной /Прусской/ как частный случай адаптации иноязычной топонимики // Археология и краеведение Кубани. Армавир, 1994.
9. Смирнов А. Имя полка // Родина. 1996. 4.
10. Щелкачев. Действия охотничьей команды Кабардинского полка в Кубанской области 6 июня 1862 года // Кавказский сборник. Тифлис, 1885.Т. IX.

ИЗ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНОДАРСКОГО ЛЕТНЕГО ТЕАТРА К.19-Н.20 ВЕКОВ.

Кавказская война, продолжавшаяся до 60-х годов 19 века, сдерживала развитие Екатеринодара, как культурного центра Кубани. Музыка и театр здесь существовали главным образом в непрофессиональных формах — народных песнях, обрядах, любительских спектаклях. Роли в них исполняли в основном офицеры Кубанского казачьего войска только в военных клубах или войсковом офицерском собрании. Начиная с 1860-х для участия в спектаклях приглашались и "дамы — любительницы", а после преобразования Екатеринодара в гражданский город в 1867 г. ведущую роль в развитии любительского театра стали играть представители местной интеллигенции. (1; 1а)

Театральное здание представляло собой тогда деревянный сарай, расположенный на Красной улице, напротив Собора Александра Невского (сейчас это территория администрации края). (2)

С окончанием Кавказской войны жизнь Екатеринодара во многом изменилась. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что пушки замолчали, а музы возликовали. Горожане остро почувствовали потребность не от случая к случаю, а постоянно слушать музыку, смотреть постановки профессиональных театров, приобщаться к большому искусству.

Для того, чтобы приглашать в Екатеринодар известные в России театральные и музыкальные коллективы, необходимо было соответствующее здание театра. Конечно, знатоки могут возразить: был бы талантливый режиссер, вокруг которого соберутся актеры, как улей пчел окружает матку, то есть было бы содержание, можно играть и в сарае. Но в данном случае важна и форма, ибо "театр начинается с вешалки", она тоже формирует эстетические вкусы публики.

Летний театр по проекту архитектора В.А. Филиппова появился в городском саду в 1881 году и стал его украшением. Но, к сожалению, спустя два года, он сгорел дотла. Новый, тоже деревянный, отстроили в конце 80-х гг. Был он серым, аляповатым, приземистым, но долго и верно служил театрам. (3)

Театральный сезон в Летнем театре длился с середины апреля до октября, пока было тепло. По окончании спектакля к услугам публики у главного входа в сад уже стояли вереницей фаэтоны, линейки, дроги для жителей окраинных кварталов города. Позднее, в начале 20 века, к окончанию спектаклей стали подаваться открытые трамвайные вагоны. Карет в то время почти не было, имелись только у наказного атамана да у двух именитых купцов. (4)

О спектаклях сообщали афиши, расклеенные капельдинерами на специальные тумбы. Например, следующего содержания: "С дозволения

начальства г. Екатеринодара в новом Летнем театре, в городском саду, труппою драматических артистов под управлением Е.М. Рахимова во вторник 17 апреля 1879 г. по случаю высокотожественного дня рождения Его Императорского Величества Государя Александра Николаевича перед началом спектакля всей труппою будет исполнен народный гимн "Боже, царя храни". Спектакль по пьесе Н. Островского "Бедность не порок". Цены на билеты следующие: ложи литерные — 7 руб., ложи номерные — 4 руб., кресла 1-го ряда — 2 руб.,... галерея — 25 коп.(5)

В 1907 — 1912 гг. городским головой Екатеринодара был купец 1 гильдии Иван Николаевич Дицман. В этот период в городе были построены Зимний, Северный и перестроен Летний театры. Летний театр реконструировал городской архитектор Захарий Платонович Коршевец. Он сделал его более вместительным, с великолепной акустикой. В фондах Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына хранится открытка с изображением Летнего театра той поры.(6) Как будто сказочный пряничный домик затерялся в тенистых аллеях сада!

Административно — финансовое управление театром выполняла городская Дума, которая избирала специальную садово — театральную комиссию из почетных и знатных горожан. В 1910г., например, членами театральной комиссии были: И.Н. Дицман, С.С. Бейм, В.В. Климов, С.Е. Никифораки, Б.Н. Шарданов, З.П. Коршевец и другие.\7\

Городская Управа, действуя на основании постановления Думы от 11 декабря 1908, заключала договоры с антрепренерами на сдачу в арендное содержание Летнего театра. Договор регламентировал многие стороны жизни театра: спектакль должен был начинаться не позднее 8 часов вечера, а оканчиваться не позднее 12,5 часов ночи; антракты должны были длиться не более 12 минут. Арендатор не имел права без разрешения театральной комиссии допускать в огороженную часть сада при театре фокусников, гимнастов, демонстраторов кинематографа. За кулисы имели право входить только городской голова, члены городской управы и театральной комиссии. В течение недели антрепренер обязан был ставить не менее 6 спектаклей. Репертуар должен был знакомить публику как с классическими произведениями сцены, так и с современной драматургией. Антрепренеры оперных трупп в течение сезона обязаны были поставить 20 различных опер, из которых 2 ранее не шли в Екатеринодаре. Арендатор театра должен был содержать за свой счет не менее 12 человек капельдинеров, в обязанности которых входили уборка зрительного зала, расклейка афиш, продажа программ. В капельдинеры принимались лица "приличные по внешности, вполне трезвые и вежливые". Городское управление предоставляло в пользование арендатора домик для жидья из 7 комнат с освещением и водопроводом. Плата за жилье взималась с него в размере 100 рублей в месяц в пользу города. В свободные от спектаклей дни и вечера театральная комиссия оставляла за собой право устраивать

в театре симфонические концерты. Договор определял и состав оперных трупп: оркестр — не менее 25 человек; хор — не менее 30 человек; балет — 4 пары, не считая примы — балерины и балетмейстера (признавалось, что оперное дело вдвое дороже драматического). Театральная комиссия решила сдавать театр по разным видам жанра — драматическому, оперному, опереточному и малороссийскому театру, "так как при этом условии представляется больше гарантии добросовестной постановки спектаклей каждого вида" (8).

Летний театр был популярен у екатеринодарцев, несмотря на конкуренцию с иллюзионом, скейтинг — рингом, симфоническим оркестром и давал городской казне значительный доход. Например, за 1908 год городская управа получила от его эксплуатации 10 тысяч 655 рублей.⁹

"Бронь" на места в театре имели Начальник Кубанской области, городской голова, представители прессы, члены театральной комиссии, доктор, итого — 19 мест. Театральная комиссия строго следила за хозяйством Летнего театра — покраской музыкальной ракушки, освещением (за которое отвечал городской электротехник барон Р.А. Фрейтаг), телефоном, фонтаном около театра, состоянием декораций (разнообразные декорации выполнил художник Календа: Сад, Лес, Воздух; Готический, Римский, Богатый, Бедный, Декадентский павильоны; Грановитая и Кремлевская палаты) (10).

По положению Комитета Министров, высочайше утвержденному 2 июня 1910 г. воспрещались театральные зрелища в дни религиозных праздников: в Сочельник, на Рождество, в течение Великого поста, в первый день Святой Пасхи и т.д. (11).

Сведения об артистах подавались Начальнику Кубанской области и начальнику жандармского управления. Театральная комиссия также интересовалась социальным составом коллектива. Поэтому предварительно режиссерами составлялись списки, в которых указывались сценические и подлинные имена актеров и сословия, к которым каждый из них принадлежал. Например, в малороссийской труппе Дмитрия Абрамовича Гайдамаки, гастролировавшей в Екатеринодаре летом 1910 г., среди актеров были: ставропольский мещанин, потомственный дворянин, сын чиновника, жена казака, крестьянка, жена коллежского секретаря, мещанки из Харькова и Белгорода, донской казак, цеховой из Харькова, австрийский подданный и др. (12). Этот пестрый состав труппы дает нам представление о социальном происхождении актеров начала XX века, дополняя картину гражданского общества того времени.

Кроме того, в ведении городского полицмейстера была цензура репертуара. Все афиши, либретто, тексты пьес представлялись на рассмотрение цензуры. На каждой афише была обязательной надпись "С дозволения начальства". Так, в 1869 — 1870 гг. в списке "неудобных к представлению драматических сочинений" были: "Борис Годунов" А.С. Пушкина, "Коварство и любовь", "Разбойники" Ф. Шиллера, "Мера за меру" У.

Шекспира, "Свадьба Фигаро" П. Бомарше и др. (13).

Также полицмейстер мог не подписать афиши, т.е. не разрешить представление, если антрепренер не вносил предварительный залог в кассу театра "за обеспечение исправной уплаты актерам". Так случилось с представителем объединенного товарищества артистов Киевской и Харьк — ковской русской оперы Николаем Николаевичем Боголюбовым в 1910 г. Он был вынужден обратиться к И.Н. Дицману, чтобы городской голова поручился перед полицмейстером за режиссера и убедил его в "солидно — сти и аккуратности нашего дела во всех отношениях" (14).

Конечно, новый Летний театр был всем хорош — в красивом парке, вместителен (1449 мест), давал хорошие сборы труппе (в день 700—800 рублей). Поэтому многие режиссеры боролись за честь выступать на его сцене. В 1910 г. претендентами на антрепризу в Летнем театре были: г. Полонский из дирекции театров "Соловцев" в Киеве, г. Багров — антреп — ренер Одесского гортеатра, артистка Карелина — Раич с труппой из Мос — квы, екатеринославская антреприза госпожи Боярской — Бекендорф, г. Соколовский — антрепренер Харьковского городского театра и многие провинциальные коллективы (15).

Комиссия так тщательно подбирала тех, кого можно пригласить на гастроли в Летний театр, что один ироничный журналист назвал ее "бра — ковочной комиссией в интендантском складе". Летом 1910 года велись переговоры даже с К.А. Станиславским, но МХАТ был для Екатеринодара "дорогим удовольствием" (16).

В Летнем театре в разные годы выступали такие знаменитости, как артисты Малого театра А.А. Яблочкина, А.И. Южин (Сумбатов), трагик Мамонт Дальский, великий Ф.И. Шаляпин.

В фондах КГИАМЗ хранится открытка, на которой изображена дра — матическая труппа Н.Н. Синельникова на фоне Летнего театра, часто гастролировавшая в Екатеринодаре в 1909—1917 гг. (17). Этот коллектив из Ростова — на — Дону был хорошо известен среди творческой молодежи, его называли "школой начинающих актеров": именно в нем в свое время начали артистическую карьеру В.Ф. Комиссаржевская, М.М. Блюмен — таль — Тамарина, Е.М. Шатрова, Н.М. Радин, Н.А. Лысенко, В.В. Максимов, В.М. Петипа (18). И.Н. Дицман считал Синельникова "выдающимся режиссером и добросовестным антрепренером, знающим вкусы екатеринодарской публики, с которым весьма желательно иметь дело" (19).

Малороссийские труппы на Кубани представляли в к. XIX — н. XX вв. украинские режиссеры и антрепренеры из Киева, Харькова, Одессы и Полтавы — М.А. Кропивницкий, П.К. Саксаганский, Д.А. Гайдамака, Н.К. Садовский и др.

Исторически сложилось так, что украинский театр был популярен на Кубани. Ф. Капельгородский писал: "... украинец чувствует себя родным на Кубани: он найдет здесь своих земляков, увидит родные обычаи, родную одежду, услышит родные песни, думки, сказки, присказки" (20).

В 1880 г. наказной атаман Кубанского казачьего войска Н.Н. Кармалин обратился в Тифлис к начальнику областного управления с просьбой разрешить постановку малороссийских пьес на Кубани, на что был получен положительный ответ наместника, позволявший публичные чтения и представления малорусских пьес, "проверенных театральной цензурой". / 21/

Театральные украинские труппы играли самые различные произведения. Например, репертуар труппы Д.А. Гайдамаки включал в себя 56 наименований спектаклей, поставленных по сочинениям Т.Г. Шевченко, Н.В. Гоголя, Я.Г. Кухаренко, И. Котляревского, С.С. Гулак – Артемовского (22). Наиболее кассовыми и популярными считались "Наталка – Полтавка" Ивана Котляревского и озорной, веселый спектакль "Запорожец за Дунаем" С.С. Гулак – Артемовского, начавший в 1863 г. свое путешествие по оперным сценам России.

Екатеринодарцы смотрели спектакли не только заезжих гастролеров. Постепенно формировался местный творческий коллектив. В протоколе заседания театральной комиссии от 25 марта 1910 г. есть такая запись: "Одобрить состав труппы г. Багрова (Михаил Федорович Багров – антрепренер Одесского городского театра), надеясь, что с приездом в Екатеринодар удастся войти в соглашение относительно пополнения труппы не которыми известными уже местной публике артистическими силами, пользующимися ее симпатиями" (23).

Не всем городам России посчастливилось услышать могучий бас Федора Ивановича Шаляпина. Екатеринодарцам повезло. 15 сентября 1910 г. в Летнем театре состоялся единственный, данный им в столице Кубани, концерт, длившийся 4 часа! Шаляпин исполнил русскую народную песню "Помню, я еще младшенька была", "Вакхическую песнь" А. Глазунова, "Ночной смотр" М. Глинки, "Два гренадера" Р. Шумана, "Последний рейс" Э. Альнеса. Во втором отделении прозвучали произведения любимых композиторов певца – А.С. Даргомыжского и М.П. Мусоргского. Когда выступление окончилось, публика долго не расходилась, аплодируя любимому певцу (24).

В 1920 г. Летний театр был передан в ведение Облполитпросвета (25).

Время и люди не сохранили этот великолепный памятник архитектуры и культуры н. XX века. В период оккупации Краснодара в 1942 – 1943 гг. в горпарке им. М. Горького располагалась немецкая радиочасть. Летний театр был превращен в вещевой склад. 10 февраля 1943 г., за два дня до освобождения города, театр был сожжен оккупантами (26).

Сегодня на месте Летнего театра расположены детские аттракционы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Б. Борисов, Г. Борисов, В. Бурылев. Краснодарская филармония. Прошлое и настоящее. Краснодар, 1989.
- 1а. Комиссинская Л.В. Любительский театр на Кубани с сер. XIX в. до 1905 г. // Методические рекомендации. Краснодар, 1990, с. 33-83.
2. Летопись "Екатеринодар-Краснодар". 1793-1993. Краснодар, 1993. С. 133.
3. Бардадым В.П. Зодчие Екатеринодара. Краснодар, 1995. СС. 19-20, 104;
4. Есаян М. Летний театр. // "Краснодарские известия", 5 декабря 1992 г.
5. ГАКК (Государственный Архив Краснодарского края). Ф. 454, оп. 7, д. 1408. Л. 2.
6. КГИАМЗ (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына). КМ 6714.
7. ГАКК. Ф. 498. Оп. 1. Д. 52. Л. 468.
8. Там же, л. 156.
9. Там же.
10. Там же, л. 151.
11. Там же, л. 17.
12. Там же, л. 245.
13. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1, т. 1. Д. 3696. Лл. 9, 120, 131.
14. ГАКК. Ф. 498. Оп. 1. Д. 52. Лл. 311-315.
15. Там же, л. 135.
16. Там же, л. 75.
17. КГИАМЗ. КМ 3071/21, ПМ1657/1
18. Бардадым В. П. Театральный листок. Краснодар, 1984. С. 95; Еремеева А.Н. Между прошлым и будущим. СПб, 1996, с. 13.
19. ГАКК. Ф. 498. Оп. 1. Д. 52, л. 22.
20. Чумаченко В.К. Украинская литературная традиция кубанских казаков. Краснодар, 1995. С. 111.
21. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 1576. Л. 6, 73.
22. ГАКК. Ф. 498. Оп. 1. Д. 52. Лл. 232-235.
23. Там же, л. 144.
24. Там же, л. 467; Бардадым В.П. Театральный листок, с. 26-30; "Екатеринодар-Краснодар", с. 323; "Кубанский курьер", 17 сентября 1910 г.
25. ГАКК. Ф. Р-102. Оп.1. Д. 62. Л. 82.
26. Бардадым В.П. Этюды о Екатеринодаре. Краснодар, 1992. С. 66.

ДЖИГИТОВКА КАК ФЕНОМЕН ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

В последние годы в Российской Федерации начал развиваться и законодательно утверждаться процесс возрождения казачества [1].

Это позволило создать благоприятные условия для восстановления различных областей традиционной казачьей культуры, в том числе и культуры физической. При этом необходимо учитывать, что трудно найти другой вид человеческой деятельности, который вызывал бы столько размышлений как спорт.

Физическое воспитание и самобытные виды спорта кубанского казачества — это не только социальный и культурный феномен, но вместе с тем сфера творчества, совершенствования человека.

Современная общественно — историческая ситуация сделала возможным возрождение и популяризацию в стране самобытно сложившихся видов спорта и средств подготовки казаков. Поэтому ответственной задачей представляется создание современной системы физкультурно — спортивной работы с казачьим населением.

Каждая система физического воспитания обладает характерными особенностями, которые определяются историческими условиями. Джигитовка выступает здесь как необходимое звено целостной системы физического воспитания кубанского казачества.

Анализируя казачью джигитовку как явление культуры, в том числе культуры двигательной деятельности, целесообразно рассмотреть основные понятия ее характеризующие и их интерпретацию в современной науке.

По определению, данному В.Далем, термин "джигитовать" означает: "гарцевать, наездничать, упражняться в конном ристании, в джигитовке" [2].

Б.А.Введенский рассматривает джигитовку как "упражнения на скачущей лошади" [3].

Уточняя и конкретизируя специфические черты данного средства физического воспитания и военной подготовки, С.И.Ожегов предлагает следующее определение: "Джигитовка — это разнообразные сложные упражнения на скачущей лошади, первоначально существовавшие у кавказских горцев и казаков" [4].

Исходя из этого понятия, словом "джигит" обозначается "искусный и отважный наездник (первоначально у кавказских горцев)" [5].

Как известно, кубанские казаки вели военный образ жизни в условиях пограничной службы и регулярных боевых действий. В связи с этим отдельные физические упражнения и игры начинают приобретать все более специфический характер и постепенно превращаются в средства, имеющие ярко выраженное военно — прикладное значение.

Кубанские казаки, в силу исторически сложившихся материальных

условий жизни, являлись природными кавалеристами. Поэтому не случайно большое распространение у казаков получили различные физические упражнения и состязания, связанные с конной подготовкой.

Как военно — прикладной вид развивается казачья джигитовка, достигшая своего расцвета к началу XX столетия.

В 1898 году было подготовлено практическое пособие для казачьих войск Российской Империи, имеющее целью обучать казаков джигитовке [6]. Авторы справедливо считали джигитовку "... лучшей школой для развития не только тела кавалериста, но главное — духа". "Джигитовка, кроме смелости, дает уверенность в себе, приучает к находчивости; она делает кавалериста легким". И далее: "Всадник должен кроме того что хорошо, но и смело ездить; быть ловок и поворотлив, иметь отвагу и отвагу чисто кавалерийскую" [7].

В данном издании выделяется два вида джигитовки: без оружия ("вольная") и с оружием.

Для освоения искусства джигитовки, предполагается ряд методических приемов, облегчающих процесс обучения. Прежде всего предлагается освоение подводящих упражнений: "гимнастика на деревянной кобыле" и "гимнастика на живой лошади, на месте и на ходу". По мере обучения, упражнения рекомендуется усложнять: "джигитовочные приемы на деревянной лошади", "джигитовка на живой лошади, на месте, на шагу, рыси, на месте и карьере". Все упражнения рекомендуется выполнять "сначала без оружия, потом с ним, без вьюка и с ним" [8].

К основополагающим физическим и морально — волевым качествам, необходимым казаку для совершенствования в искусстве джигитовки, авторы относят смелость, ловкость, уверенность в себе. Кроме того, важное значение придается постоянной практике в выездке коня [9].

В указанной работе детализированно рассматриваются приемы индивидуальной джигитовки, включая их описание по отдельным элементам [10].

1. Доставание земли.
2. Соскакивание с коня (обыкновенное, сзади с крупа и т.д.).
3. Езда стоя.
4. "Скачка вниз головою" (стоя на голове, сделав упор о седло).
5. "Скачка задом наперед" (спиной к направлению движения).
6. "Кладка коня" (принуждение лошади лечь на землю).

Групповая джигитовка подразделяется на два вида.

К первому блоку, называемому "группа на одной лошади" [11], относятся следующие исходные положения всадников:

1. "Качели" (два всадника находятся в седле, лицом друг к другу и боком к направлению движения, держась руками за седло, либо друг за друга; ноги переплетены).

2. "Стоя сзади на чемоданчике" (один всадник находится в седле, другой стоит сзади, на крупе лошади, держась за плечи сидящего).

3. "Перевозка пехотинца (всадник поднимает на лошадь стоящего или лежащего человека).

Второй раздел групповой джигитовки составляют упражнения "группы на нескольких лошадях" [12].

1. Перескакивание с лошади на лошадь.
2. Транспортировка раненых.
3. "Кладка" лошадей (шеренгой, взводом, сотней).

Несомненной заслугой авторов является то, что все методические указания, описания отдельных приемов и элементов подготовки, удачно дополняются иллюстративным материалом в виде рисунков.

Следует заметить, что работа по внедрению в казачий быт джигитовки не исчерпывалась лишь выпуском соответствующих пособий, наставлений и декларированием ее насущной необходимости в деле военной физической подготовки казаков. Джигитовка широко культивировалась в практической деятельности.

На Кубани искусство джигитовки казаки демонстрировали на специально организуемых состязаниях, проводившихся Кубанским казачьим войском или непосредственно станичными правлениями. Так же, показательные выступления по джигитовке включались в программу подавляющего большинства торжественных мероприятий.

На празднике, посвященном 200-летию Кубанского казачьего войска, наравне со взрослыми казаками, в джигитовке участвовали и подростки [13, 14].

Известны случаи участия в открытых соревнованиях по джигитовке вместе с мужчинами женщин — казачек, и даже получение ими призовых мест [15].

Обязательный минимум исполнения отдельных элементов казачьей джигитовки включал в себя следующие из них [16].

1. Поднятие во время скачки с земли какого-либо предмета.
2. Попеременная вспрыжка и соскакивание с коня в движении.
3. Скачка стоя на седле.

К наиболее распространенным упражнениям и элементам вольной джигитовки, существовавшей в Кубанской области в досоветский период относятся [17, 18, 19,]:

1. Остановка всадником лошади во время движения и "укладывание" ее на бок; поднятие ее для продолжения движения.
2. Пролезание во время скачки под брюхом лошади.
3. Выполнение в движении участником джигитовки комплекса различных акробатических упражнений: "стойки на голове", "стойки на руках", "ласточки", "ножницы" и других.
4. Вращение шашки стоя на седле.
5. Разседлывание и последующее седлание лошади в движении.
6. Выполнение во время верховой езды прыжков в седле с поворотом на 180° (в направлении гривы, крупа лошади).

7. Соскальзывание вниз по боку лошади, взявшись руками за подпругу и держа одну ногу в стремях.

Отдельными элементами джигитовки шли: рубка лозы и глиняных мас-сивов; разрубание тряпичных шаров, наполненных соломой; продевание шашки в подвешенное кольцо.

С помощью указанных состязательных упражнений молодежи при-вивались разнообразные двигательные навыки, требующие напряжения физических и моральных возможностей, умения действовать своим ору-жием и телом в самых трудных и приближенных к боевым условиям об-стоятельствах.

Существенным фактором, способствовавшим популяризации джиги-товки на Кубани и развитию ее как военной дисциплины были постоян-ные контакты с горцами, в частности — с адыгами [20].

По свидетельству дореволюционного казачьего историка К.К.Абазы "молодые казаки стремились приобрести черкесское оружие и конскую сбрую; черкесская джигитовка постепенно входила в станичный быт" [21].

Известный кубанский историк и общественный деятель П.П.Орлов, обращаясь к казачьей молодежи, призывал: "Пусть кипит у нас военная здоровая жизнь! Не забывайте своего товарища — коня. Выезжайте на нем на войну, на игру, на маневры, а после... с лихой джигитовкой неситесь домой мимо ахающей, любующейся вами цветной толпы станичных кра-савиц..." [22].

Благодаря своей эстетической красоте и спортивной зрелищности, джигитовка кубанских казаков получила широкую известность не только в России, но и далеко за ее пределами.

Для объективизации оценки джигитовки как феномена традиционной казачьей культуры, очень важен независимый, дистанцированный взгляд. В связи с этим, не безынтересными будут исторические наблюдения французского исследователя Yves Breheret, которого не упрекнешь в пред-взятости. Восхищаясь казачьим искусством верховой езды и гимнасти-ческими упражнениями на скачущей лошади, он делает заключение: "Во время джигитовки всадник сливается с конем, играя каждым мускулом тре-нированного тела". Описание реальных приемов джигитовки позволяет ему прийти к ряду выводов: "В кубанских казаках кровь джигитов, и этим сказано все; страсть и джигитовка родилась вместе с ними" [23].

Таким образом правомерно говорить о джигитовке кубанских казаков не только как об эффективном средстве физического воспитания и мо-рально — психологической подготовки казаков, но и значимой составной части исторически сложившейся физической культуры общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Краснодарского края, ф. р - 1843, оп. 1, д. 2, лл. 120-187.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. С. 434.
3. Введенский Б.А. Энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1955. Т. 1. С. 543.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 158.
5. Словарь русского языка. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. С. 396.
6. Казачья джигитовка, вольная и с оружием: практические приемы. / Сост. Н. Краснов, П.Чумаков. Одесса: Типография штаба круга, 1898. 32 с., илл.
7. Там же. С. 1.
8. Там же. С. 2.
9. Там же. С. 3.
10. Там же. С. 3-18.
11. Там же. С. 19-23.
12. Там же. С. 24-31.
13. Кубанские областные ведомости (далее КОВ). 1896. 14 сент.
14. Орлов П.П. Кубанские казаки: Откуда повелось Кубанское казачье войско и как оно несло государеву службу на благо Руси. Екатерино-дар, 1908. С. 184-185.
15. Александров С.Г. Дневник полевых исследований. 1997. С. 32.
16. Орлов П.П. Справочная книжка для Кубанского казачьего войска по части военной. Екатеринодар, 1910. С. 402.
17. Архив Центра народной культуры Кубани (далее Архив ЦНКК). Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция (далее КФЭЭ). 1997 (II). Анапский р-н, ст. Гостагаевская, к/к Г-4.
18. Архив ЦНКК. КФЭЭ. 1997., ст. Гостагаевская, к/к Г-7.
19. Орлов П.П. Кубанские казаки... Указ. Соч. С. 180-183.
20. Филиппсон Г.И. Воспоминания. Екатеринодар, 1897. С. 126.
21. Абаза К.К. Казаки: донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта для чтения в войсках, семье и школе. Спб., 1894. С. 238.
22. Орлов П.П. Сборник рассказов и статей. Екатеринодар, 1911. С. 252-254.
23. Breheret Yves. Les Cosagues. Paris: Balland, 1972. С. 2-3.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОМЕСТИКАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Человек, приспосабливаясь к окружающей действительности, преобразует мир, наделяя его особым содержанием, создает себе специфику среду общения, обозначаемую термином "культура". Идея доместикации как раз заключается в преобразовании "природного" в "культурное", "неосвоенного" в "освоенное", т.е. это сам механизм освоения человеком окружающей среды (Байбурин 1983 : 3). Специфика доместикации в контексте данной проблемы заключается в рассмотрении её относительно традиционных пространственных схем, где пространство, как и время соотносится с архаической моделью мира и характеризуется как одухотворённое и качественно неоднородное (Эпиаде 1994 22). Доместикацию же на мифологическом уровне можно понимать как преобразование хаоса, в космос, структурирование. Известный философ и ученый М. Элиаде писал, что "... ритуал овладения территорией всегда, должен повторять космогонию." (Элиаде 1994 : 28).

Т.к. мифологическая модель мира является некоторым священным прообразом, следуя которому человек надеется обеспечить себе благополучие, то и структурирование в данном случае может быть представлено в виде некоторой идеальной схемы, соблюдение которой предполагает положительный результат. Реализоваться эта схема могла в совершенно разных областях жизни, где имеет место освоение пространства: это и переход невесты в дом жениха, и новоселье, и сама постройка дома, и даже освоение новых территорий для поселения. Причем в зависимости от правильности реализации этой схемы зависит дальнейшая жизнь людей. Так, например, в пословице: "Где жинка правит домом — там хата не так стоит" (ПМ ФЭЭ — 1996 Тих. р — н : к/к. № 964), можно найти прямую зависимость семейных отношений от выбранного для постройки дома места. Интересным примером для рассмотрения последовательности освоения локуса, поэтапности его структурирования является образование новых станиц при заселении Северного Кавказа казачьим населением. Освоение земель в этом регионе в основном опиралось на военную силу, и поселения, конечно, имели стратегическое значение. Поэтому места для новых станиц чаще не выбирались, а назначались начальством, существовали правила для устройства станиц. Однако, несмотря на предписания, учившиеся и традиционные предпочтения в этом плане. Обычно старались селиться недалеко от водных источников. Немаловажное значение народ придавал и тому, как на новом месте ведёт себя скот если, например, сразу при переселении начинался падеж скота, то люди отказывались оставаться жить

на этом месте.

При освоении нового, неизвестного актуализируется оппозиция "свое — чужое". "Это можно рассматривать и как обострение социальных отношений, и как оппозицию "природа — культура". На фактах колонизации Северного Кавказа, это прослеживается особенно ярко. Интересна здесь психология восприятия чужого мира. Так, в описании образования Бело — реченской, Даховской, Абадзехской станиц, живущие по соседству племена характеризуются не иначе, как "хищники", обитающие в лесу, "в диком краю" (ГАКК : ф. 709. оп.1, д.16, л.39; Щербина 1891 : 20). Следует учитывать и этнические особенности восприятия пространства: "Привыкнув к безграничным равнинам, изредка прорезанным неглубокими оврагами и балками и усеянными бесчисленным множеством сторожевых курганов, откуда он мог созерцать степь на десятки верст вокруг <...>, на новом месте закубанский поселенец встретился с обширными, почти непроходимыми лесами" (Щербина 1891а : 5). Оппозицию "дом — лес" в конкретном случае можно представить как "открытое (обозреваемое) пространство — закрытое лесом, наиболее опасное". Освоение здесь начинается с рубки просек и разработки дорог, что воспринимается как "раскрывание леса". В свою очередь, "туземцы" удалялись от просек, в глубь лесов (ГАКК: ф.799, он. 1, д.16. л.47) Здесь прослеживается и архаический пласт сознания, где носители иной этнической традиции, расцениваются как представители "чужого", "нечеловеческого" мира.

После окончательного выбора места для поселения обычно возводили станичную ограду. В терских станицах и некоторых кубанских — это турлучная ограда с валом и рвом (Потто 1991 : 283). Здесь мы видим такие важные аспекты структурирования, как разделение пространства на внут — реннее и внешнее и установление границ освоенного.

Следующим этапом структурирования является выделение центра: "Приступая к постройке своих селений, казаки прежде всего отводили место под церковь и обносили его каменной оградой" (Потто 1991 : 283). Возникает одна из основных оппозиций поселения "центр — периферия (границы)", она напрямую соотносится с осью "окультуренное — природное", иногда даже границами служили природные объекты, например, река в станице Удобной (Куб. ст. 1967 :103). Чаще всего церковь устраивали в середине станицы, таким образом совпадали сакральный центр с топографическим.

Обязательной характеристикой освоенного пространства является за — полненность объектами, с помощью которых и определяется его качественная характеристика. "Свято место пусто не бывает " — это в прямом смысле относится к местам наивысшей сакральной значимости. Довольно часто встречается факт, что при разрушении церкви, или изменении её места расположения (деревянную церковь могли просто переносить при смене места, жительства), на её бывшем месте, или месте алтаря, сооружают либо колодец, либо часовенку; в станице Удобной, например, на месте алтаря сгоревшей церкви были посажены 4 ясеня, а посредине поставлен деревянный

крест (ПМ ФЭЭ – 1996 Отрадн. р – н : к/к № 1094). 'Эти объекты по –
прежнему маркируют это место как сакрально значимое, заполняют его.

Попытаемся (обобщить всё вышесказанное в виде некоторой идеальной –
схемы поэтапного структурирования устойчивых локусов пространства):

1. Первичное освоение, получение минимума необходимой информации о выбранном месте (в данном случае рубка леса, позволяющая получить визуальную информацию). Здесь же собственно выбор места.

2. Установление границ и тем самым оппозиции "внутреннее – внешнее".

3. Выделение места для сакрального центра.. Здесь появляется структурообразующая оппозиция "центр – периферия" и, соответственно, уровни освоенности данного локуса. Кроме того, данный этап можно назвать непосредственно сакрализацией пространства, так как оно "освящается" посредством обнаружения "точкой отсчета", "Центра мироздания", что уже само по себе может приравниваться к сотворению мира (Элиаде 1994 :23). Все локусы и объекты теперь соотносятся с этой точкой, чем и определяется их качественная характеристика.

4. Заполняется остальное пространство, и устанавливаются необходимые взаимосвязи между всеми его частями.

Подсобные этапы структурирования можно проследить и в освоении пространства при строительстве традиционного жилища.

Традиционные модели домостроения пространства, хранящиеся в коллективной памяти народа, проявляются иногда, и в прямо противоположных структурированию фактах десакрализации пространства. Например, уничтожение в бывшей Зимовейской станице дома Емельяна Пугачева: "Дом перевезли на прежнее место и в присутствии духовенства и всех казаков сожгли, а затем двор окопали и оставили навеки в запустении, как место проклятое Богом" (Потто 1991 :259). Здесь можно проследить своеобразное деструктурирование:

1. Уничтожение центра (каковым в пределах подворья можно считать дом).

2. Окапывание – как замыкание пространства, но здесь его как бы отгораживают, отрезают от пространства селения.

3. Признак этого пространства. – пустота, незаполненность, что как бы является результатом проклятия.

В данном случае основное отличие космизованного пространства от хаоса выражается через оппозицию "заполненное – пустое". И то, и другое, являясь результатом осмысленной деятельности человека, становится содержанием его модели мира. Человек в одном случае берёт на себя функцию демиурга – сотворяет микрокосм, структурирует его. в другом случае, проклиная от имени Бога. разрушает, возвращает к хаосу – так это может выглядеть на мифологическом уровне.

'Таким образом, организуя своё пространство, носитель традицион –

ной культуры в той или иной степени реализовал сакральную модель мира. Вплетаясь с канву ритуалов, а так же повседневного быта, вышеописанные схемы передавались из поколения в поколение, сохраняясь в пространстве и времени.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ

Байбурин 1983 - А.К. Байбурин. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Элиаде 1994 - Мирча Элиаде. Священное и мирское. М., 1994.

ПМ ФЭЭ-1996 Тих. р-н - Полевые материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1996г. Центра народной культуры Кубани (ЦНКК) в Тихорецкий р-н Краснодарского края. Материалы хранятся в фонотеке отдела фольклора и этнографии ЦНКК.

ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.

Щербина 1891 - Ф.А. Щербина. Земельная община кубанских казахов // Кубанский сборник. Екатеринодар. 1891г., т. II.

Щербина 1891а - Ф.А. Щербина. Хозяйственно-экономический быт казачьих поселении по бассейнам рек: Пшехи, Пшиша и Псепс, в Закубанском уезде, Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891г., т. II.

Потто 1991 - В.А. Потто. Два века терского казачества (1577-1801). Репринт. изд. 1912, Ставрополь, 1991.

Куб. ст. 1967 - Кубанские станицы. М., 1967.

ПМ ФЭЭ-1996 Отрадн. р-н - Полевые материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1996г. Центра народной культуры Кубани в Отрадненский р-н Краснодарского края. Материалы хранятся в фонотеке отдела фольклора и этнографии ЦНКК.

СОДЕРЖАНИЕ

Пьянков А.В. КЕРАМИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ С ПОЗОЛОТОЙ С СЕВЕРНОГО БЕРЕГА КРАСНОДАРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА	3
Хачатурова Е.А. БОСПОРСКИЕ РИТУАЛЬНЫЕ СТАТУЭТКИ С ПОДВЕСНЫМИ НОГАМИ В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ	12
Зеленский Ю.В. ПОЛОВЕЦКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ ПРИКУБАНИЯ И ЗАКУБАНИЯ	16
Фролов Б.Е. РУЧНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ	23
Матвеев О.В. ПРУССКИЙ ПРИНЦ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ	33
Стругова М.Р. ИЗ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНОДАРСКОГО ЛЕТНЕГО ТЕАТРА К. 19 – Н. 20 ВЕКОВ.	38
Александров С.Г. ДЖИГИТОВКА КАК ФЕНОМЕН ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ 44	
Капышкина С.Ю. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОМЕСТИКАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА	49

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО - Археологические открытия.

АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

ВДИ - Вестник древней истории.

ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.

КСИА - Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.

КГПИ - Краснодарский государственный педагогический институт

ИАК - Известия императорской археологической комиссии.

МАР - Материалы по археологии России.

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.

МАК - Материалы по археологии Кавказа.

ОАК - Отчеты Археологической комиссии.

ПАИ - Полевые археологические исследования в Грузии.

РА - Российская археология.

СА - Советская археология.

САИ - Свод археологических источников.

СЭ - Советская этнография.

Тр.АС - Труды археологического съезда.

Тр.ГИМ - Труды Государственного исторического музея.